

Наталья Лазарева

НЕЛЕГАЛКА-2

2014-2015-2016

Наталья Лазарева
Нелегалка-2-2015.
2014-2015-2016

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576722
ISBN 9785448398735

Аннотация

С новым местом нашей нелегалке повезло. Особенно – с выходным днём, которым стала суббота, с 8 утра до 8 вечера. За год, проведенный в не самой глухой провинции у моря, ударница нелегального труда побывала в сорока больших и малых селениях, на Сицилии и Калабрии. Почти всегда находились попутчицы на дальние поездки. Сицилия становилась для неё всё более близкой, а день отъезда на родину приближался с каждым часом.

Содержание

Глава 1. Неожиданно – Этна	5
Глава 2. Незабывтая Богом Савока	12
Глава 3. Здравствуй, Таня, до свиданья!	18
Глава 4. Неделя за неделей	25
Глава 5. Siamo poi	49
Глава 6. Полтора года назад	53
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Нелегалка-2-2015 2014-2015-2016

Наталья Лазарева

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Наталья Лазарева, 2017

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9873-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Неожиданно – Этна

4 января мне сместили выходной на воскресенье. Вам не понять, какая это печалька. По воскресеньям нет поездов и автобусов. Вернее, почти нет. И по воскресеньям практически все магазины закрыты. Даже китайские. Люди отдыхают. Каждое воскресенье – феста, праздник.

Хозяева вежливо поинтересовались, не против ли я, что они в субботу куда-то уедут, а я посижу с Пиной. Смешно. Что бы изменилось, если бы я ответила, что против? Поэтому сказала, что не важно, в какой день недели у меня джорната либера.

Зима продержалась у нас полдня, после обеда 31 декабря снег стаял, словно и не было.

В пятницу 2 января, просмотрев расписание поездов и автобусов, сделала вывод: гулять мне в окрестностях с утра до ночи. Уже собиралась отключить интернет, как пришло сообщение от знакомых: «Мы в воскресенье едем на Этну, кататься на лыжах. Можешь поменять выходной? Мы бы тебя захватили». Вот это да!!!

Воскресное утро выдалось почти жарким. Ветер дул южный, из Африки. Народ на набережных разгуливал в футболках. Я вышла в тёплой куртке и моментально взмокла. Но это была совершеннейшая ерунда. Нас ждала Этна!

Объяснять про этих знакомых долго. Винсент и Альба –

знакомые моих знакомых, мы виделись один раз больше месяца назад. Почему они обо мне вспомнили, не ведаю. Но – спасибо им за это.

По дороге в горы сменились все времена года. Северный склон зарос лиственными: клёнами, берёзами и чем-то ещё. Сначала ехали через бабье лето. Потом – сквозь золотую осень. Спустя десяток поворотов по крутому серпантину начался нашенький ноябрь – деревья стояли голые, опавшие листья устилали скалы мокрым ковром.

Внизу сияло солнце, а здесь облаков нагоняло всё больше. Выше километра стал попадаться снег. На высоте 1800, где располагаются удовольствия для любителей зимнего отдыха – ЗИМА!!!

Место для парковки еле нашли. На лыжных склонах творилось нечто: тысячи людей, от младенцев до стариков, на лыжах, санках, сноубордах, на ватрушках и ледянках, на снегоходах и просто пешком – кто на фуникулёре, кто на своих двоих, поднимались наверх, и катились вниз с радостными воплями! Вот уж чего я никак не ожидала от спокойных, в общем-то, сицилианцев. Да-да, они – спокойные. Итальянский темперамент проявляется только во время ссор и споров, которые моментально вспыхивают и быстро гаснут.

Пока выбирались из машины, ещё теплилась надежда на ясную погоду. Но почти сразу поднялся сумасшедший ветер, горы накрылись сплошной облачностью, которая как за-

висла, так и осталась с нами.

Мы грелись в одном из многочисленных баров, глотая горячий шоколад. Полчаса ожидания ничего не изменило. Пришлось одеться и выйти на улицу.

Ветер стих. Люди ходили в облаках. Видимость минимальная, плюс-минус 10 метров. Иногда чуть больше.

У бара остановился карабинер на снегокате, ушёл внутрь. Я тут же подбежала к машине: «Сфотографируйте меня!» К нам подтянулся народ, взирая на моё самовольство чуть не с ужасом. Но, едва слезла с сидения, как, оглядываясь и посмеиваясь, на снегокат прыгнул весёлый мужичок. Затем подскочили парень с девушкой, и образовалась очередь из желающих сфоткаться.

Мы уже ушли лепить снеговиков. Пятнадцатиеврикские полусапожки, купленные по неизвестно какой скидке (первоначальная цена не указывалась), правда, в недешёвом магазине, совершенно не приспособленные для глубокого мокрого снега, с честью выдержали все испытания. Обувь даже не промокла, чему я удивилась совершенно искренне.

Снеговики лепились легко. Но стало жалко тратить время на большие произведения. Хотелось кататься на санках.

На этой трассе подъёмник не функционировал. Я взбиралась выше и выше, таща за собой пластиковые санки с углублениями для ног и двумя рулевыми палками, и понимала: эта погода – для меня. Я на Этне, а Этны не видно. Словно в нашем Охта-парке, или в Игоре, когда минусовая темпера-

тура сменилась на небольшой плюс, но туман не мешает наслаждаться весёлым приключением.

Вниз катиться было прикольно в том смысле, что все вокруг катились сквозь облака.

Через пару часов снова посидели в баре, и перепарковались у другого спуска. Друзья ушли кататься на лыжах, я отказалась, выбрав прогулку с фотоаппаратом.

10 лет назад здесь прошёл поток лавы, сметя весь туристический комплекс. Дороги, парковки, отели, магазины, подъёмники – всё восстановлено. Лава чёрными гребнями выпирала из-под снега, обгоревшие деревья и небольшие пропасти привлекали любителей селфи. Я не отставала – когда ещё здесь доведётся побывать?!

Около трёх зазвонил телефон: «Наташа, ты где? Мы собираемся домой!» – «Иду вниз, фотографирую всё подряд, поедете мимо, подхватите!»

В машине друзья включили печку и смотрели на меня изумлённо: «Ты не замёрзла? Вот что значит – русская горячая кровь!» Я скромно промолчала. Для этой прогулки пришлось потратить остатки перцового пластыря. На самом деле, я – мерзлячка. Причём, жуткая. Это ещё с вагонов. Едва наступает осень, начинаю дико мёрзнуть. И постоянно обклеиваюсь перцовым пластырем. Зимой в России много лет выживаю именно так: полоски пластыря на следах, на икрах, на лытках, на плечах, на поясице, на лопатках. Кстати, рекомендую всем, кто плохо переносит морозы.

Меня пригласили на домашний ужин. Отказываться не стала. Притормозили возле частной лавочки: «Ты ешь свинину? Здесь мясо собственного хозяйства, но у них не осталось курицы» – «Я ем свинину. Мне свинина нравится больше, чем курица» – «А ещё какое мясо тебе нравится?» – «Медвежати́на» – «Медвежати́на?!» – «Да. Когда в России наступает зима, мы все едим медвежати́ну». (Хихи, притихли что-то).

Я приехала не с пустыми руками, привезла в подарок силуэтную картинку в рамке – дед Мороз на коне, с мешком подарков.

За ужином предложила тост за Сицилию: «У вас прекрасный остров! Здесь есть всё: море, солнце, фрукты, снег! Вы – счастливи́чки!» Мне рассказали анекдот: «Создал Господь Сицилию. Посмотрел и подумал: «Это – хорошо». Ещё раз посмотрел и подумал: «Да, это – очень хорошо!» Ещё раз посмотрел и подумал: «Нет, это – слишком уж хорошо...» И создал Господь сицилианцев...»

Домой меня доставили к 7 часам. Старушка Пина в одиночестве смотрела телевизор и радостно засмеялась, увидев меня в дверях. Она всегда переживает, когда я ухожу на улицу, даже если это на час или два. А когда возвращаюсь, восклицает: «Ты вернулась!!!» и начинает петь молитвы.

Переодевшись, я присоединилась к просмотру какой-то передачи. В девятом часу Пина меня разбудила: «Наташа, ты устала. Не надо спать на диване, это неудобно. Иди в постель.

Спокойной ночи!» – «Спокойной ночи...»

6 января комментатор погоды объявил телезрителям, что на Сицилии началась весна.

Весна приходит каждое утро, с ярким солнцем, порханием колибри, тёплым ветром. Но каждый вечер температура понижается до десяти градусов, а бывает и ниже. Дома и квартиры здесь не отапливаются. Я люблю спать в тепле. Моя комнатка небольшая, метров 10, и кровать стоит у окна, вдоль стены коридора, упираясь в наружную стену. В комнате много мебели, передвинуть её невозможно. Кроме кровати: длинный шкаф, во всю стену, противоположную двери, письменный стол, тумбочка, два стула и вентилятор.

Я наливаю в бутылки горячую воду и выкладываю их на постель вдоль стены. Сверху оборачиваю простынёй, чтобы не обжечься. По дому хожу в тёплых шароварах (Марта подарила) и пушистой кофте (купила в Катании). Шаровары с начёсом, кофта – 100% хлопок. Так тепло.

Марта – полячка, приходит убирать в квартирах и на лестнице, два раза в неделю. Она живёт здесь уже 13 лет, из которых 11 знакома с семьёй моих синьоров. Мы с ней болтаем подолгу, и поздравляем друг друга с праздниками. Сначала Марта попросила показать, как делать ёжиков и вырезать снежинки. За это принесла мне большую упаковку шоколадных конфет. Конфеты я радостно схомячила, а на католическое Рождество подарила Марте картинку в рамке: вырезала из бумаги Деда Мороза, держащего подарок с надпи-

сю «Marta». Марта принесла мне две упаковки шоколадных конфет. На Новый год я сплела для Марты небольшую салфеточку. Марта ответила тремя шоколадинами. На наше Рождество я вырезала для Марты из мыла золотую рыбку. Потому что Марта видела мои поделки в квартире у си-ньоров, и думала, что они купили где-то такие скульптурки. За мыльную рыбку я получила шаровары.

Марта понимает русский язык лучше, чем я – польский. В школе она учила русский, как и все дети бывших республик соцлагеря. Мы говорим на странной смеси русского, итальянского и польского. Благодаря её визитам я запомнила, что вторник по-итальянски – мартеди – день, когда приходит Марта.

Глава 2. Незабывтая Богом Савока

10 января мы снова отправились гулять с Надей. Я как-то сказала, что хочу пройтись до Сант Алессио. Оказалось, что Надя целый год снимала квартиру в этом городке. Она предложила стать моим гидом.

Зарплату я ещё не получила, в кармане завалились 30 чинтезимов. Я была готова идти три часа пешком, но Надя успокоила – у неё имелись билеты на поезд.

Мы встретились на платформе в Ницце. Компостер не работал. В поезде контролёры не появились. Ура. Несколько сэкономленных евро.

День выдался жарким. Сирокко дул так, что иногда возникала необходимость прятаться за углами зданий, чтобы перевести дыхание. Солнце жарило вовсю. Сант Алессио – курортный городок, живущий туризмом. Зимой там мало народа, улицы практически пусты. Мы шли по набережной, одни в ярком-ярком дне, под зелёными пальмами, между синим-синим морем и длинной, абсолютно безлюдной улицей. Город как вымер. Только пение птиц и шум волн.

Посидели на скамеечке, перекусили. Пошли куда глаза глядят. Глаза глядели на крепость на вершине горы. По пути Надя показала улочки со старинными домами, древний фонтан, пару церквей и памятник – огромный ржавый якорь.

Перед тем, как начать подъём, набрали на закоулок, в ко-

тором устроили фотосессию. Потому что между домами, среди раскидистых ив, ветви которых ниспадали на землю серебристыми шлейфами, склонилась под тяжестью бананов пальма, выпустившая длинный канат с цветком. За этой пальмой росли апельсиновые деревья, усыпанные плодами, и трава под ними, и дорожка – всё в ярких оранжевых шарах. Невозможно было просто так взять и пройти мимо.

Моя подруга не очень спешила подниматься по серпантину к крепости. Сказала, что строение выкуплено в частное владение, и мы сможем увидеть его только со стороны. Но я упрямо шагала по трассе. Пусть, внутрь не попадём, но с высоты должны быть замечательные виды!

Виды были. Потрясающие. Под нами проносились поезда, ныряя в тоннель. Калабрия словно исчезла, растворившись в дымке облаков и тумана. Лунгамаре тянулась на многие километры, через Сант Алессио, Санта Терезу, Фурчи, Роккалумеру, Ниццу. И, наверное, дальше. Но дальше я не ходила. Ещё нагуляюсь. Одна. Потому что Надя собралась в Россию, к детям, маме, внуку. На три месяца.

За скалами, на двух вершинах которых гордо стояли каменные стены, скрывающие от туристов что-то, наверное, очень волшебное, был последний поворот – здесь заканчивался Сант Алессио. И ещё был сход к морю, по деревянным ступеням. Но лестница находилась за железной оградой, а на воротах висела цепочка с замком.

Я рассмотрела звенья цепочки. Небольшие и не очень тол-

стые, пара-тройка миллиметров в диаметре, но – увы – сваренные. Пальцами не сломаешь, согнуть-разогнуть не получится – железо. Надя поддержала моё стремление попасть туда, куда вход был закрыт. Сказала: «Давай посмотрим, что за замок, может, мои ключи подойдут!» Мы стали крутить цепочку, пододвигая его к себе, и тут увидели, что до нас уже кто-то имел такое же желание – одно звено цепи было перекушено, но аккуратно вставлено между другими. Открыв ворота, стали спускаться.

До низа не дошли, хотя очень хотелось. Лестница разваливалась под ногами. Настил осыпался трухой, под ним – почти отвесная скала. Мы испугались. Инстинкт самосохранения сработал одновременно у обеих. Пофотографировались, вышли, вернули цепочку в прежнее положение, направились в город. Нам пора было на вокзал, до поезда оставалось полчаса.

Шли быстренько. Вдруг я заметила указатель: «Савока. 4 км» и притормозила: «Савока? Что-то знакомое, а?» Надя подтолкнула меня: «Не останавливайся! Савока – знаменитая деревня, там Коппола снимал сцены „Крёстного отца“!» Я остановилась: «Пошли в Савоку! Всего-то 4 километра!» Надя придала мне ускорение, в направлении вокзала: «Четыре километра – в горы! Деревня находится на высоте 330 метров! Если бы отвёз кто...» Я спросила: «Давай, в какой-нибудь выходной сходим туда? С утра?» Подруга отказалась: «Нет. Туда – только ехать. Но, автобусы от нас

не ходят. Надо кого-то просить. Подумаем».

Через минуту раздался возглас: «Надя! Коже ва?!» – это какой-то знакомый возник на нашем пути и интересовался у моей подруги, как у неё дела. Ещё через минуту он вёз нас в Роккалумеру. А ещё через минуту, по просьбе Нади, сменил направление и порулил в Савоку.

Надя велела: «Наташа, достань из пакета куртку, в горах холодно, вечер уже!» Действительно, температура воздуха у моря очень отличалась от горной. Хорошо, что с утра мы захватили с собой тёплую одежду. Так, на всякий случай, хотя в прогнозе после новостей обещали солнце, солнце, и только солнце.

В Савоке туристов было больше, чем местных жителей. Знаменитый бар Вителли (Vitelli), на террасе которого Майкл Корлеоне не очень учтиво просил руки дочери хозяина – красавицы Аполлонии, не работал.

Здание, в котором находится этот бар, одно из старинных и значительных зданий Савоки, построенное в конце XVII – начале XVIII вв. состоятельной семьёй Trimarchi, в чьём владении оно и осталось. По фамилии его владельцев здание называется Домом Тримарки – Palazzo Trimarchi. В 1773 году здание было отреставрировано. После съёмок «Крёстного отца» бар получил название «Бар Вителли» по имени отца невесты Майкла – Вителли. Он превратился в небольшой музей «Крёстного отца», хотя, там можно и поесть, и выпить. Второй, просторный этаж дома для посещения закрыт.

Как бы мне ни хотелось поехать и выпить в баре, пришлось отложить это на другой раз. Надя пообещала, что весной здесь красивее всего. Ещё мы не смогли попасть в катакомбы с древними захоронениями. А ещё мне надо купить футболку с «иль падрино» (крёстным отцом), чтобы соответствовать моменту. Вот так, я уже на втором месте съёмок культового фильма побывала. Как ни странно, в Мотта Камастре не видела ни намёка на эксплуатацию местными жителями имени великого режиссёра. В Савоке из факта съёмки здесь отрывка фильма сделали бренд, для собственного удовольствия.

Изначально Коппола планировал снимать сцену свадьбы вовсе не в забытой Богом Савоке, а в городке Карлеоне, дабы соответствовать сюжету книги, по которой писался сценарий. Но по какой-то причине решение изменил и нашёл деревушку, которая тихо жила своей жизнью вот уже девять веков, и никто, кроме местных, даже не подозревал о ее существовании. Но как только в 1972-м году «Крестный отец» появился в прокате, на Савоку обрушилась поистине всемирная слава.

Что интересно, я тут смотрела какую-то игровую передачу, и в викторине был вопрос, с кого Марио Пьюзо писал крёстного отца. Оказалось – с собственной матери! Раньше на Сицилии часто главами мафиозных кланов были женщины. Здесь вообще женщины в семье – главные. До сих пор, между прочим.

Мы погуляли по городу в сопровождении тёмно-серого кота, который прикомпанился к нам у бара.

Поднялись по лестнице с зеркальными силуэтами героев фильма. Потом кавалер отвёз нас домой. Так неожиданно здорово закончился этот выходной.

Да, кстати, Савока внесена в список наиболее красивых городов и деревушек Италии – *Borghi pi; belli d'Italia*. Френсис Форд знал, где снимать свой фильм.

Дома, перекачивая фотки на ноут, посчитала папки: за неполных 4 месяца я побывала уже в 16 местах, от маленьких деревушек до больших городов, и каждый раз убеждаюсь в том, что Сицилия красива всегда и везде!

Глава 3. Здравствуй, Таня, до свиданья!

Таня позвала меня в гости, на своё новое место работы. Мы по телефону посплетничали про Петрушку. После того, как Таня сбежала от неё, Марио два дня искал новую баданту, в результате привёз в дом на гору ещё одну украинку. С этой сладилось, но тоже ненадолго. Вернее: новой баданте Петрушкины закидоны были до звезды. Старушенция ругалась, украинская дивчина без знания итальянского отвечала: «А пошла ты ...!!!» Старушенция капризничала за столом, на что слышала: «Не хошь жрать – сиди голодной!» Старушенция запрещала говорить по телефону, сиделка подходила к её постели и, упёрши руки в боки, демонстративно громко разговаривала часами, сверля Петрушку убийственным взглядом. Дивчина установила свои порядки, старуха её боялась, а сын был доволен. Может быть, ему нравилось, что мамаша, гонявшая его с детства, сама жила в страхе и подчинении чужой воле. Но и эта сиделка уехала, когда Петрушка простыла и на неделю попала в больницу.

Выписанной из оспедале старушенции сынок привёз новую баданту.

Мы с Таней созванивались почти каждый день. Да мы тут все созваниваемся и общаемся часами, в общей сложно-

сти. Все сидим на 24-часовой работе, с редкими выходными, и многие – вдвоём со старушками, с которыми не поговоришь. Опять же, родная речь, мозгам надо отдыхать от повсеместного итальяно.

Новая работа у Тани была хорошей. Квартира в центре города, с террасой, с видом на Этноу. Бабушка – в своём мире, целыми днями молчит или читает вслух. Таню она принимает за бога или ангела. Когда сиделка приносит еду и лекарства, Катарина целует её руки, а потом послушно раскрывает рот и глотает таблетки и супы.

У баданты своя комната, машинка стирает, готовить надо, но Таня любит готовить. Ей приносят все продукты, или она ходит в магазин сама. Синьорам, навещающим Катарину, нравятся борщи и пельмени, поэтому у них с Таней полная гармония.

Наверное, Тане не хватило эмоциональной гибкости, когда она пыталась работать при психически неуравновешенной Петрушке. Баданту дёргало всё: ругань, крики, и особенно паннолины (памперсы), которые она увидела в первый раз, да ещё на такой огромной неходячей фурии. А Петруха взялась измываться над сиделкой, видя, что та не в состоянии выразить протест.

Таня переживала и нервничала. И сбежала. А я к Петруссии относилась с пониманием, припорошенным налётом жалости. Каждая персона – уникал. И каждый человек живёт, как ему удобнее. Над Петрушкой время сыграло злую шут-

ку, но ей повезло родиться и состариться на Сицилии.

Понимание – это у меня с детства. В какой-то книге по психологии я читала, что если у ребёнка в раннем возрасте будет травма головы, он теряет сочувствие к окружающим. В годик у меня было сотрясение мозга.

Первым пропало сочувствие к себе.

Возможно, оба сочувствия, и к себе, и к окружающим, исчезли одновременно, но к себе – я уверена – сдохло хоть на секунду, но раньше.

Место сочувствия в душе заняло любопытство и стремление всё понять. Так – лучше.

В конце января подруга собралась домой, на Украину. Я приехала к ней в Джарре, поесть борща и пожелать счастливого пути. Заранее, потому что – когда ещё свидимся? С собой захватила не пригодившийся рождественский набор – паннетон (большой кекс с цукатами и изюмом) и шампанское. Перед Рождеством я собиралась к Ире, в Катанию, но заболела, а потом так до Иры и не добралась.

Таню интересовал вопрос пересечения границы на родине. Из Италии всех выпускают, а вот насчёт въехать в собственную страну – тут кому как повезёт. Рассказы нелегалок на этот счёт разнятся. Кого-то задерживали, обыскивали, штрафовали. Я в прошлый раз спокойно вернулась, никто внимания не обратил на отсутствие визы. Сейчас поделилась слышанной где-то информацией: подаёшь закрытый паспорт, с вложенными 10 евро. (Совет сработал).

Выпили за прошедшие Рождества, Новые годы и завтрашнее Крещение, поговорили за жизнь. С террасы дома открывался вид на Этну. Таня показала на собор, купола которого возвышались над домами, и сказала, что это – самое красивое место в городе. Я отправилась на прогулку, пока солнце светило. После обеда обещали дождь.

Джарре – обычный сицилианский город. С приморским Рипосто его разделяет железная дорога. Рипосто – внизу.

Колеса по улицам, смотрела в сторону заброшенного стадиона: вот бы сверху на панораму полюбоваться! Стадион окружали глухие каменные стены, кованые решётки и заборы. Я почти сдалась, когда увидела на верхнем ярусе трибун какого-то мужчину. Значит – войти на территорию можно! Народная тропа обнаружилась за зарослями кустов – желающие сделать физкультурминку проложили путь, вполне удобный. Ограда закончилась через десяток метров.

Входы на трибуны были заложены кирпичными кладками, в человеческий рост. Стёкла в нижних помещениях выбиты, по стенам – граффити. Обследовав лестницы, нашла открытый подъём внутри.

Восхождение и любование тянуло на сцену из фильма ужасов. Тишина, никого. Вокруг – красота: Этна в белых облаках, города, море. А по всем лестницам и помещениям – мёртвые птицы. Десятки, сотни мёртвых птиц, истлевающих в пепле. Недавно было извержение. Несильное, но всё-таки. Наверное, птицы задохнулись или поджарились на лету. Под

сапогами скрипел чёрный металлический песок. В городе я тоже обратила внимание – там, где улицы не убирались, слой пепла достигал нескольких сантиметров, и даже дожди его пока не смыли. Я бродила по трибунам и разгромленным офисам, отрешаясь от действительности всё больше и больше, разглядывая кости и перья, вывернутые шеи, скрюченные лапы. Безумие продолжалось, затягивая в нереальность, пока во втором часу не позвонила Таня: «Борщ готов! Ты где?» – «Иду». Но пошла не сразу, всё-таки сходила к соборной площади.

В Роккалумеру приехала в половине шестого. Посидела с девочками в баре, выпила кофе с пирожными.

Днём 19 января мои синьоры отобедали рано. Я вынесла мусор в три часа, и сразу позвонила Тамаре: «Гуляем?» – «Купаемся!» – «Купаетесь? Где?!» – «Напротив церкви» – «Бегу».

Купание состояло в брожении по воде. Море волновалось, девчонки были мокрые почти до пояса. Я засмеялась: «Почему не с головой?!» – «Вот, сама и иди, с головой!»

Вода была не смой тёплой, на улице всего +16, со вчерашнего похолодало. Но, по сравнению с купелями на Руси, одно удовольствие. Я барахталась в волнах, девочки визжали и щёлкали фотоаппаратами: «Наташка, вылезай!» – «Не вылезу!» – «Наташка, не уплывай далеко!» – «Не уплыву. Я же не сумасшедшая».

Возле парадной что-то чинили зять Пины и муж Марты.

Увидев меня, спросили: «Что случилось?» – «Ничего. Купалась». Мужики переглянулись, Франческо повертел пальцем у виска. Я отрицательно покачала головой: «Нет! В России сегодня – святой день. Купаются все. У нас там морозы, снег, лёд, а люди купаются!»

Дома переделалась, заварила горячего чаю на травах, закуталась в одеяло – хорошо!

Во вторник Марта первым делом спросила: «Мне муж сказал, что ты вчера купалась?» – «Да» – «Не верю!» – «Смотри фотки!» Марта хохотала, а я рассказала, как водила внука в аквапарк. Под бассейнами и горками, на нижнем ярусе – бани, парные и бассейнчики, двухметровой глубины, с водой +7 градусов.

Мы посидели в турецкой парной, и я повела мальчишку к купели: «Прыгнешь? Вода холодная, прямо обожжёт!» – «Не хочу!» – «Ну, не хочешь, как хочешь. Ты хоть потрогай, какая холодная!» Внук послушно опустил в воду пальчики. В ту же секунду я столкнула его вниз. Он вынырнул с таким лицом... До сих пор не берусь описать, что выражали его чувства. Я протянула руку и помогла выбраться. То, что он сделал в следующий момент, я ожидала меньше всего: развернувшись к воде, он прыгнул снова!!!

Он прыгал семь раз! В перерывах я таскала его в парную. Сама тоже прыгала. Развлечение прервали только потому, что подошло время «морской волны», мы поднялись к горкам.

В этот заезд я всё время думаю о доме. Там осталось слишком много проблем, решить их могут только деньги. Иногда тревога не отпускает целыми днями. Боженька, помоги, чтобы всё уладилось.

Боженька, помоги всем нам. Таня улетела домой 23 января, вся в радужных надеждах. Подруга Дороты помогла ей купить билет на самолёт. Таня возвращалась спешно. Муж сообщил, что ему предложили купить недорогую малосемейку, он уже внёс 600 долларов залога. Ещё до отъезда на Сицилию моя подруга заняла на покупку квартиры у сестры 3400 долларов. Валера искал варианты, Таня служила у синьоров, зарабатывая недостающее. Теперь у Тани уже было кое-что накоплено, она видела себя и Валеру в собственном уютном гнёздышке и могла говорить только об этом.

Глава 4. Неделя за неделей

Зима в этом году затянулась. Сицилианцы говорят то же, что думаю я. Эта зима – очень холодная и длинная. За февраль дневная температура поднималась выше 15 градусов всего пару-тройку раз. Море постоянно штормило. Иногда волны, высотой в пару метров, пробежав через широкий пляж, разбивались о набережную. Брызги летели через тротуар и шоссе на дома. Калабрию часто было не видно из-за облаков и тумана. Низкие тёмные тучи скрывали вершины гор за автострадой. Тогда казалось, что Роккалумера находится на краю Земли.

Но мне везло, в мои выходные погода выдавалась если не весь день солнечной, то достаточно тёплой, чтобы можно было гулять с удовольствием.

И, если честно, только это и радовало. Мысли крутились вокруг дома. Там, за облаками, за Италией и Европой, в занесённом снегами Санкт-Петербурге, моя мама лежала в больнице в предынфарктном состоянии. Рядом с ней были мои взрослые дети. Но я не знала, что делать, и была готова улететь домой в любой момент. Хотя, почему – была. Я готова к этому в любой день.

Как я ни просила маму осенью вернуться в город, она осталась зимовать на даче. Одна. Совсем одна. Потому что верный пёс Цыган отправился в собачий рай, ненадолго пе-

режив хозяина.

У мамы начало скакать давление. Я говорила ей, что надо жить в квартире, с отоплением, походить по врачам, проверить здоровье. 87 лет – не шутка. Она отказывалась перебираться в Питер. Ездил за пенсией, ездила в Лугу или Струги, в магазины.

А в Крещение псковские власти сделали своим жителям сюрприз – отменили все поезда. Вообще все! Мол, автобусов достаточно. Но о каких автобусах может идти речь, если многие населённые пункты находятся именно на железной дороге. Например, чтобы добраться от нас до Питера, надо было, после отмены поездов, пешочком пройти пару километров до автобусной остановки. Там дожидаться автобуса на Псков. Проехать 10 км до Киевского шоссе. Там снова сесть на остановке и ждать, когда пойдёт автобус в Петербург. Ехать только на этом – больше 6 часов. Не то что мама, даже я от такой дороги отказалась бы.

Как-то утром я проснулась рано, с одной мыслью: «Мама». Набрала номер. Мама не ответила. Перезвонила через час. Никакого результата. Позвонила дочке. Та сказала, что говорила с бабушкой вчера, всё было нормально. Я продолжала терзать телефон.

Мама откликнулась на пятый раз. Её голос еле шелестел: «Мне плохо... Давление...» – «Немедленно вызови врача!»

Я звонила каждый час. Врач приехал, давление смерил – 210/180, сделал укол, предложил лечь в больницу. Она отка-

залась. После обеда мама стала со мной прощаться. Радовалась, что умрёт там, рядом с мужем. Я психовала по страшной силе. В это время за ней уже ехали сын с другом, а дочка договаривалась о госпитализации в Мариинскую больницу – потому что скорая могла увезти на другой конец города, а эта больница рядом с нашей коммуналкой. И внуки могли навещать бабушку каждый день, потому что работают в центре.

Капельницы, уколы и полное обследование сделали своё дело. Через две недели мама стала ходить самостоятельно, её голос зазвенел, как в молодости, она съездила в гости к среднему правнуку, и потом осела, наконец, в нашей многосемейной квартире, огромной и шумной.

Через месяц я стала звонить ей, как раньше, два раза в неделю. Мне хватало отчётов от детей, с которыми я общаюсь в интернете каждый день.

Но интенсивные звонки и разговоры по скайпу выбили из скромного финансового бюджета. За интернет пришлось заплатить на 5 евро больше. На телефон потратила трёхмесячную норму. Занимала у девчонок.

Чтобы, по всегдашней своей привычке, лечиться впечатлениями, изучала карту Сицилии, примеряясь к расстояниям, которые могу пройти пешком. Лазала по разным сайтам, собирая информацию о близлежащих городишках, чтобы узнать – куда стоит добраться. После зарплаты стало веселее. В непогоду можно было воспользоваться транспортом. А еду всегда на день набирала из дома. Затраты на каж-

дый выходной регламентированы десятью евро. Если удаётся сэкономить, каждая монета откладывается и идёт на приобретение одежды. За почти полгода я пообносила.

В первый выходной февраля прогулялась до городишка Гротте. Пешком – в Фурчи, оттуда по трассе в горы. Гротте – маленькая поэза, но живописная, как почти все. На горе, над церковью – красивая площадь, с мраморными скамьями и столами. Над ними – скульптурная композиция с Мадонной, в гроте. К Мадонне ведёт лестница, но в это день проход был закрыт.

Я устроила селфи, позируя на мраморном кресле. Вместо палки для селфи – мраморный стол. Вокруг никого не было. Тишина, солнце, цветут вишни.

Потом поднялась в горы ещё выше. На обратном пути видела убитую сатанистами козу или козла. Почему сатанистами? У бедного животного была содрана верхняя часть черепа с рогами. Больше не тронули ничего. Труп лежал над кладбищем.

Домой вернулась на полусогнутых, так налазалась по горным тропам. Хотела поболтать с девчонками у украинского автобуса, но автобус задерживался, а из знакомых никто не подошёл. Немного пообщалась с двумя украинками, военнообязанными, сбежавшими от мобилизации. Они ругались с каким-то итальянцем, насмотревшимся новостей, с пеной у рта доказывавшего, что русские уничтожают Украину.

Мне не до политики. Ушла домой.

Дома Пина, как всегда, стала просить показать фотографии. Я перекинула фотоотчёт в ноутбук и устроилась на стуле в старушкиной спальне. Синьоре нравится этот процесс. Я показываю ей то, что она давно не видела. Она много где была. Пока ни разу не спросила: «Что это за поэза?» Гротте тоже были ей знакомы. Она назвала улицу, по которой я шла туда, узнавала площади, рассказала, что на том кладбище лежат родители Франческо. Насмешил её один кадр: я запечатлела унитаз, затащенный кем-то на скалу над церковью и гротом. Унитаз стоял на краю обрыва. Какой шутник использовал его для созерцания окрестностей? Убитая коза вызвала объяснение: голодные люди воруют животных и их едят. Я не стала спорить.

А политика... Ну, какие тут могут быть переживания о политике?

Как-то мы, работающие в Роккалумере баданты, договорились, что в субботу поедem в Ачиреале.

Мой выходной с восьми до восьми. Их – с двух до восьми, потому что им дают по 6 часов два раза в неделю. Я вышла из дома и, под палящим утренним солнцем, направилась в Санта Терезу, по магазинам. Скидки, скидки! В Санта Терез есть один, в котором уже покупала обувь и одежду, осенью и зимой, дорожка протоптана. Но в этот раз на мой кошелёк вещичек не было.

Остальные магазины тоже разочаровали. Дешевле 15 евро не предлагалось ничего. Даже футболки (мне очень нуж-

ны футболки!) – от 7—8 евро. Ещё мне нужны были таблетки от укачивания. Зашла в аптеку. Шесть таблеток – 8 евро. Ужас.

Расстроенная донельзя, продолжила поиски другой аптеки. На Лунгамаре рядом со мной притормозил автомобиль. Симпатичный мужчина лет сорока спросил: «Отдыхаете?» Я жевала печенье, купленное в супермаркете по спецпредложению. Пробубнила извинение с набитым ртом.

«Вы что-то ищете? Помочь?» – «Ищу аптеку» – «Вы не туда идёте. Садитесь, я Вас подвезу!» – «Спасибо, не надо». Мужчина не отставал. Причём, я уже его видела. Пару часов назад он поздоровался со мной на входе в город.

– Не бойтесь, я вам ничего плохого не сделаю! Только доведу до аптеки. Так, Вы в отпуске или работаете?

Я уже устала как собака. До места встречи с девочками топать полтора часа. Ехать мы собрались на машине. У Оли машина и документы, всё легально. До Ачиреале далеко. На улице жара. Я сдохну. Поколебавшись, села в тачку к любезному синьору.

Он представился Филиппо. Сказал, что работает барменом в Таормине. Спросил, откуда я и чем занимаюсь. Ответила, что из России, работаю на Сицилии сиделкой.

В аптеке, к которой подвёз Филиппо, те же самые таблетки стоили 6 евро. Купила.

Филиппо сказал, что отвезёт меня, куда надо. Я обрадовалась. Идти полтора часа, а ехать минут десять.

В нашем городке остановились на набережной, болтали ни о чём. Погода, работа. Позвонила Тамара: «Ты где? Собираемся в 2 у церкви». Я попросила Филиппо подвезти меня к церкви. Он кивнул и поехал. Мимо. По Ницце. Прогнал всю Ниццу. Я завертела головой: «Куда ты едешь?» – «Не волнуйся, сейчас развернусь и высажу тебя у церкви. Сам поеду дальше, мне надо встретить сына с поезда».

Машина остановилась на дальнем пустом пляже, за ржавыми барками и давно не спускавшимися на воду катерами. Я уставилась на синьора бармена. Он развернулся ко мне и с недоброй ухмылкой спросил: «Что смотришь?» Я не догоняла: «Смотрю, потому что не понимаю. Ты сказал, что отвезёшь меня к подругам!» И тут до него дошло, что я – идиотка, а не проститутка. Его здравомыслие взяло верх. Мужчина крикнул, завёл мотор, доставил меня до площади, на прощание пожал руку, сказал, что было приятно познакомиться, и пожелал удачи.

Трагикомичность ситуации до меня дошла только на другой день. Комедия в том, что он обознался. А что ему, ищущему доступного тела, было думать? Идёт одинокая женщина, на вопрос «куда подбросить» – отвечает «в аптеку». Рассказывает о работе, ради которой уехала с родины.

Прохохотав всё утро, написала Ирке, моей подруге-психологу. Она ответила язвительно: «А то ты не знаешь, что первый вопрос мужиков к путанам: «Отдыхаешь или работаешь?» Я рассердилась (в шутку): «Не знаю, чему вас учи-

ли на кафедре психологии, но у нас в университете культуры такие знания не преподавались!» Ошибочка вышла ещё и потому, что здесь отдых, каникулы, отпуск – одно слово – «ваканса». Как и вакансия, впрочем.

Трагедии не произошло, хотя задним числом я немного испугалась. И стала звонить всем знакомым девочкам, чтобы они на ус намотали и понимали то, что итальянские мужчины имеют ввиду, когда интересуются твоей работой и отдыхом.

Рассказывала с юмором, народ веселился, а Люба поделилась своей историей. Точно также мужик предложил её подвезти, и повёз невесть куда. Люба – женщина миниатюрная, худенькая. Справиться с откормленным синьором сил не представлялось, она стала молиться вслух. На мужика это произвело впечатление, он немедленно повернул в город и доставил Любу, куда обещал.

Ну, а в продолжение того дня, едва встретились с девочками, они загомонили: «Читала в интернете – Немцова убили?!» Я, уже проглотив таблетку и надеясь на лучшее, проворчала, усаживаясь на переднее сиденье: «Кто такой Немцов?» Меня стали просвещать. Я выслушала и зевнула: «И чё?» Политинформация сорвалась. Я вздохнула: «У вас других забот нет? Счастливые люди!»

К Ачиреале подъезжали под дождём. Погода испортилась совершенно. Из прогулки – только заехали на виллу Бельведер, но и там не повезло – ремонт. Немного полюбовались

на побережье с высоты птичьего полёта, сфотографировались под мимозой, притягивая ветки как рамку, и поехали по магазинам.

Пока фотографировались, за нами пристально наблюдал какой-то автомобилист. Он даже остановился и переждал, пока мы не оставили дерево в покое. После этого заулыбался, помахал рукой и уехал. Следил, чтобы не ломали цветы.

В магазинах я страдала. У меня осталось 4 евро. Подруги носились в примерочные, я бродила по залам, передвигая вешалки. И наткнулась на платье за 3 евро, вместо 20. Ничего особенного, но если не понравится, как выгляжу в нём, буду носить дома. Примерять не стала, силы заканчивались. Платье купила.

Однажды после помериджо вышла раньше. Девочки загорали на пляже. Здесь солнце всегда горячее, даже зимой. Только не всегда зимой оно есть. Если безветренно и солнечно – сразу жарко. Посидели на берегу. Эля и Люда пошли домой, им в горы подниматься. Тамара предложила: «А, давай, нарвём мимозы!» – «А, давай!»

Я уже приносила домой букеты. Мне не нравится, что в нашей квартире только искусственные цветы. Искусственные, старые, пыльные и поломанные, типа украшают столовую, занимая две большие вазы на комод.

Даже на даче, когда ухаживала за папой, постоянно приносила ему цветы, начиная с ранней весны, до поздней осени: полевые, садовые, всё что росло на наших клумбах, рядом

с участком и в окрестностях. На столе перед папиной кроватью всегда стояли букетики или охапки первоцветов, сирени, нарциссов, пионов, ромашек, колокольчиков, роз, люпина, лилий и флоксов...

Пина не выходит из дома уже три года. Пару раз ей приносили розочки, сломанные с кустов перед подъездом. Всё что она видит – стены соседних домов и подчахшие за зиму растения в горшках на балконах.

В прошлый раз с цветами получилось смешно. Мы сидели с девчонками в баре, и я развлекала народ разными историями. Например, как одним летом жила с детьми в пионерском лагере, где работала кружководом. Лагерь был ведомственным, я тогда трудилась художником-оформителем в почтовом ящике, а на лето перебиралась с отпрысками на природу. На второе лето с нами поехала и моя мама. Дачи у нас ещё не было и в проекте, а бабушка соскучилась за внуками, и тоже устроилась на работу, в столовую. Для сотрудников выделялись комнаты в деревянных домиках, дети жили с нами. Раз в день из лагеря ходил автобус до города. Как-то я оставила детей на маму и поехала к мужу, без предупреждения. О сотовых телефонах или пейджерах мы не слышали, предупредить мне супруга было неоткуда. Так что отправилась сюрпризом.

Дома его не оказалось. Я решила пошутить. Залезла под кровать в спальне и стала ждать. Думала: он придёт, сядет на постель, а я ка-ак схвачу его за ногу! Вот, смеху будет!

Но время катилось к девяти вечера, а мужа не было. Мне приспичило в туалет. Из соображений конспирации я нигде не включала свет, и даже свою сумку засунула в стеновой шкаф. В темноте протопала в туалет, запираяться не стала, оставив узкую полоску пропадающего света для ориентирования в кабинете, и тут во входной двери повернулся ключ.

Мой крупногабаритный благоверный пыхтел, снимая туфли, и тут я завыла из ватерклозета: «Ну-у, что-о-о, яви-и-л-ся-а-а???»

В коридоре что-то грохнулось. Я выглянула из укрытия. Муж, выкатив глаза, сидел на полу, схватившись за сердце. Я хихикнула, а он заорал: «Ду-у-ура!!!!!!!!!!!!!!» Я умирала от смеха, а он бесился и ругался ещё не один день.

Девчонки тоже поржали. Из «Паризи» направилась к дереву мимозы у трассы, наломала веток, приложила к ним люпины, ещё чего-то дикорастущее и цветущее, и уже возле подъезда обнаружила, что ключей нет – забыла, отправляясь на прогулку.

Возможно, кто-то из хозяйской семьи был дома, но я не стала им звонить. Нажала кнопку квартиры синьоры Анджелы: «Добрый вечер, Анджела! Это Наташа, баданта синьоры Пины. Я забыла ключи. Откройте, пожалуйста, дверь!»

Анджела приходила к нам в гости, приносила сладости. Я отвечала вырезанными картинками. Она впустила меня в подъезд.

Пина часто спала с раскрытым балконом. Я надеялась, что и сейчас балкон открыт. Если нет, придётся стучаться. Но старушка туга на ухо, она может дрыхнуть, проглотив снотворное, и тогда придётся тревожить её семью.

Балкон был открыт. Пина сидела на постели, спиной ко мне, и пришивала к наволочкам пуговицы. Я возникла из-за кровати, размахивая букетом: «Чао!» Старушка похлопала глазами, посмотрела на закрытую дверь комнаты, на меня, на дверь, на меня, и спросила: «Это ты?» Хороший вопрос.

Моё счастье, что она пьёт успокоительные. Девчонкам потом рассказывала, они заикались от смеха: «А, если бы у старушки припадок случился от твоего явления?» Я фыркала: «Пришлось бы искать новую работу!»

В следующий раз притаранила огромный букет – три лохматые ветки мимозы, мышиный горошек, настурции и ещё что-то. Пина помолчала немного и выдала: «Цветы на улице рвать нельзя! Если тебя увидят карабинеры, штраф 1 евро за каждый цветок!» Я помолчала и выдала: «В следующий раз, когда пойду за цветами, возьму большую сумку и буду складывать их туда. Карабинеры не увидят!» Пина счастливо рассмеялась и стала трогать цветы, нюхать и объяснять, какие как называются. Весь вечер она, на своей инвалидной коляске, подъезжала к букету, а потом спросила: «Эти завянут, ты ещё принесёшь?» – «Конечно!»

Посмотрев телепередачу про очередной розыгрыш многотысячных призов, Пина велела: «Наташа, возьми швабру

и...» – «Да?» – «... вымой стены от плесени!» – «Нет!» – «Почему?» – «Мне не достать. Это делает Ваш зять, он берёт лестницу».

Сицилийские дома редко отапливаются. В столовой с декабря зацвели стены, что неудивительно. Влажность большая, со стёкол двух двустворчатых дверей, ведущих на балкон, постоянно стекают ручьи. Я мыла от плесени посудный шкаф и холодильник. Один раз. Стены отскабливать отказалась сразу же. Это – не моя проблема, и не моя работа. В конце концов – это вредно для здоровья. Раз в месяц Франческо приносит лестницу и возится сам.

В жилых комнатах плесени нет.

Как-то позвонила Галя, и сказала, что её жених заболел, и мы можем встретиться в Катании. Я обрадовалась предстоящей встрече. Подруга пообещала, что покажет, где можно сделать перевод через систему «Контакт», там проценты ниже, чем в «Вестерн Юнион», и я поджалась, потратив на билеты 10,30.

Накануне мы договорились созвониться. Я подсчитала, когда мы виделись в последний раз – больше двух лет назад. Тогда она была проездом в Питере, и на пару дней остановилась у меня. Мы славно провели время. А сейчас, когда я здесь, мы не встретились за 5 месяцев ни разу. Она всё время занята – у неё серьёзные отношения.

Галя не позвонила. Я напрасно пыталась дозвониться до неё, оба её номера не отвечали. Подумала, что может, что-

то с телефоном. И в субботу с утра поехала.

Что-то с телефоном – это что угодно. Мой пока чудом жив, хотя уже не раз держался на последнем издыхании. А однажды я отключила его на ночь, и утром забыла пин. После нескольких попыток в окошечке возникла надпись: «PIN-код заблокирован. Введите PUK». Пука этого я не знала никогда. Карту, из которой вытянула симку, выбросила. Пин был лёгким, я сто раз отключала и подключала телефон, набирая цифры на автомате. И вдруг – поможет только пук.

Дело было во вторник. Утром пришла Марта: «Как дела?» – «Плохо. Забыла пин, не знаю пук, телефон заблокирован». Мы влезли на сайт оператора связи WIND, нашли номер поддержки, но на него можно было звонить только с виндовского номера. Марта повела меня в офис. В офисе девушка сказала, что ничем помочь не может, она только консультирует покупателей. Марта потащила меня в кафе, угостила кофе с булочкой и придумала, как решить проблему. Мы вернулись домой. Марта вызвала на помощь Джулию. У Джулии был винд. С десятого раза она дозвонилась, потом протянула мне трубку, и тут я подивилась своему восприятию итальянского.

Джулии пришлось включить громкую связь. Я слушала оператора и ничего не понимала. Когда Джулия повторяла мне то же самое, я тут же отвечала. Продиктовала номер паспорта, имя и фамилию, дату рождения, адрес... А потом у меня спросили кодиче фискале. Я даже не знаю, что это

и как выглядит – это какой-то итальянский документ.

Я расстроилась ужасно. Если номер не восстановят, придётся просить кого-то купить для меня новую симку, это – непредвиденные расходы и весьма чувствительные. Обидно было и то, что на заблокированном номере оставались евроки.

Но Джулия уговорила девушку, и мне дали новый пин.

Так что я приехала в Катанию, полчаса крутилась на вокзале, ожидая Галю. Мы заранее, на всякий случай, договорились, что встретимся там. Подруга не появилась. Я так расстроилась, что даже поплакала. Поднимала настроение в дорогом магазине парфюмерии.

Я люблю запахи духов. Дома использовала с десятков флакончиков. Духи помогают, если голова готова разболеться. Понюхаю, попрыскаюсь, виски потру – мне легче.

Здесь у меня нет средств для таких покупок. Поэтому, когда вижу магазин, в котором продаются ароматы, без которых, если честно, очень скучаю, то направляюсь напрямиком в зал и душусь из пробников. Выбираю самые дорогие. Поливаю на волосы, одежду, руки. Затем начинаю запасаться надушенными полосочками бумаги. Опять, прыскаю на них из самых дорогих бутылочек. Когда продавцы начинают на меня коситься, смываюсь.

Дома (в Роккалумере) бумажки кладутся в платяные шкафы, вместо саше.

Сначала я клала в шкафы высушенные корочки цитрусо-

вых. Но, с приходом влажной погоды, корни стали размякать и плесневеть. Тогда возникла идея с духами.

Вечером Галя была вконтакте. Я высказала ей свою обиду. Она ответила, что ей внезапно отменили джорнату либеру – утром, когда она уже собиралась выходить.

Так что, по Катании гуляла одна. Искала «Контакт». Не нашла. Услышала родную речь. Метнулась вслед за двумя женщинами: «Девочки, подождите!» Девочки оказались лужскими. Они проводили меня к нужному зданию. По дороге обсуждали отменённые на псковщине поезда. Перед офисом «Контакта» одна из лужанок сказала: «Мы подождём тебя. Если потребуются документы, у меня есть, я переведу деньги по своему паспорту». Документы не понадобились, девочки помахали мне руками из-за окна, и ушли по своим делам.

Потом занялась шоппингом. Красиво звучит. Обошла все магазины, витрины которых украшали объявления о скидках. Купила за 3 евро кофточку, первоначальная цена которой была 25. И леггинсы за 4, вместо 16.

Наш рынок тоже хорош для недорогих покупок, но на него выбираюсь редко. Всего три раза была. Или четыре. В прошлый раз купила в «стоке» летний свитерок от «Marks&Spenser» и две блузки, менее известных, но вполне приличных фирм, за всё отдала 10 евро. Каждой такой находке радуюсь совершенно искренне, потому что китайский и турецкий ширпотреб стоит дороже, а качеством отличает-

ся в худшую сторону.

В целом, поездка оказалась удачной. У нас в Роккалуме-ре на станции не работает компостер. Контролёров не было. У меня остался билет. Можно поехать в Катанию ещё раз, в течение двух месяцев. Обратный билет прокомпости-ровала. Но контролёров снова не было. Немного обидно. Знать бы, были бы билеты туда и обратно.

Однажды предприняла поездку в Летоянни. Тоже при-морский городок, ничего особенного. Единственно, там есть отель «Антарес», расположенный на горе за железнодорож-ной станцией. Девочки ездили туда купаться в бассейне и мыться в бане. Вход в отель свободный, наверх можно под-няться по лестнице или на фуникулёре. Виды – как всегда, прекрасные.

Ещё один выходной провела в окрестностях Мессины. Километрах в десяти от города есть озеро Ганцирри, там раз-водят мидии. Озеро большое, выше уровня моря на 1м. Мо-ре – в сотне метров. А побережье, на Торре Фарро – самое близкое к Италии.

По одной из версий, именно в этом месте, где от Сици-лии до Калабрии расстояние всего 3 км, на противополож-ных берегах поджидали мореплавателей Сцилла и Харибда. Харибда – на сицилийской стороне, Сцилла – на итальян-ской. И очень уж мне захотелось посмотреть на место, где, возможно, обитала Харибда, затягивая в страшные водово-роты корабли и людей. А потом как-нибудь и до скалы Сцил-

лы доберусь. Правда, даже на берегах Мессинского пролива эти места указываются в разных городах. Но, по другим версиям, чудовища жили то в Испании, то в Сирии. Туда-то я не попаду, как бы ни мечтала. А, вот на стороне Калабрии есть даже скалистая поэза Шилла, её-то и приравнивают к Сцилле. Есть ещё поэза Реджо, куда итальянцы также поселяют Сциллу, но расстояние от Реджо до Сицилии намного больше, чем от Шиллы.

Карта показывала, что до поэзы Ганцирри можно добратся по шоссе вдоль берега.

Взяла билет на автобус до Мессины туда-обратно. Если покупать туда-обратно, это немного дешевле, чем в один конец. От вокзала до Ганцирри шла 3 часа. Погода была неустойчивая. То ветер, то солнце, то тучи. Хотела дойти до того места, где Ионическое море сливается с Тирренским, но не смогла. Озеро обошла, по пляжу прогулялась. Точку слияния морей отложила на другой раз.

Обратный автобус отправлялся в 17—40. Уже совсем стемнело, дождь лил без остановки. В салоне, кроме меня, пассажиров не было. Водитель вместо света включил музыку. Мы мчались через сверкающие огнями города, разговаривая о красотах Сицилии и европейском кризисе. В Роккалумере он сказал: «Где тебя высадить? Подвезу к дому, чтобы не промокла!»

Дома Пина протрубила общий сбор. Она находилась в самом взвинченном настроении. Семья успокаивала трясущую-

юся старушку, стенавшую: «Где Наташа?!» Я вошла в разгар концерта и психанула: «Какого дьявола?!» Мой выходной заканчивается в 8 вечера. Я пришла в 7. Могла бы и задержаться. Мы с девчонками хотели, как обычно, встретиться в баре, выпить кофе с пирожными. Но непогода рано разогнала подруг по домам. Пина причитала: «Наташа! На улице уже темно! В такое время гуляют только проститутки! Тебя украдут!!!»

Это я виновата. Приучила её, что возвращаюсь обычно часов в пять-шесть. Только два раза приезжала в семь, когда была в Кальтаджироне, и на Этне. Старушка привыкла.

Я сказала, что опоздала на автобус и ждала на вокзале следующего. Пина страдала: «Ты могла приехать на поезде! Почему не позвонила, что задерживаешься?!» – «Я-не-задержалась! Сейчас – только 7 часов. И у меня был билет на автобус!»

Вечерние посиделки в баре, за кофе – занятие приятное. Мы моем косточки синьорам, незлобливо шутим друг над другом, травим анекдоты. Кто-нибудь среди разговоров хихикнет: «А в тюрьме щас ужин, ма-ка-роны даю-ут...»

Кормят нас хорошо. Но хочется ещё лучше. Например, мой рацион в казе разнообразием не отличается.

Каждый день: молоко, фрукты (на данный период это – апельсины (два сорта), яблоки (три сорта), лимоны, мандарины, груши и киви), хлеб, сыр.

Дальше. На первое три варианта. Первый. Макароны.

С разными соусами и тёртым пармезаном. Это всегда вкусно. Второй. Рис. Если ризотто – вкусно. Остальное не очень. Когда с лентикки (чечевицей), чече (нутом), овощами. Третий. Вердура. То есть – трава. Реально – самая настоящая трава. Её приносят мешками. Мы с Пиной разбираем, отрезая самую свежую зелень для готовки. Потом вердура промывается, варится в виде супа (с фасолью или бобами и картошкой), или жарится с чесноком. Это тоже вкусно.

На второе – мясо. Шашлычки, свинина, говядина, сальсиччи, отбивные, котлетты, курица с картошкой и овощами... К ним – баклажаны и кабачки из духовки, салаты из помидоров с зеленью. Или карчофи (артишоки), но для меня это – такая гадость, что, раз попробовав, больше не пыталась. Синьоры трескают за милу душу. Говорят, очень способствует работе кишечника.

Раз в неделю, по воскресеньям, на обед, для всех – пирожные.

Раз в неделю мне и Пине покупают по пакету тыквенных семечек.

Иногда пеку блины.

Питание было бы богаче, если бы я ела рыбу и яйца. Но у меня аллергия. Хотя, один раз рыбу я ела.

Как-то в четверг, когда Нино готовил обед, а я решала sudoku, прибежал Франческо и, довольно потирая руки и заговорчески улыбаясь, радостно почти прошептал: «Завтра будут жареные неоната! Наташа, ты ела неоната?» – (Я вздрог-

нула. Неоната – это что, – новорожденный?) «Нет, не ела», и чтобы как-то прояснить, о чём речь, поинтересовалась: «А где их покупают? На рынке или в магазине?» Франческо засиял: «Что ты! Их продаёт мужчина. Он стоит на трассе, в плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо. И продаёт неоната. Потому что это запрещено законом. Если поймают – арест! (он изобразил жестом, как руки сковывают наручниками) Это – контрабанда! Так, ты ешь неоната?» Я представила угрюмого бандита, торгующего новорожденными для жарки. Мне поплохело. Нино перебил его: «Наташа не ест рыбу!» Я тихонечко выдохнула. Рыба! При моей богатой фантазии, воображение уже рисовало картинку приобщения к секте каннибалов... Франческо подпрыгнул от возбуждения: «Это ещё не рыба! Наташа, сейчас я принесу!»

Неоната оказались едва вылупившимися из икринок мальками. Длинной от сантиметра до двух, серебристые и абсолютно прозрачные, рыбу они напоминали только запахом. У каждого малька были глазки и малюсенький рот. Больше ничего, ни плавников, ни хвоста. Такая плоская ленточка с просвечивающим кишечником, тоньше ниточки, и намёком на жабры.

Рыбок готовила Пина. На полкило взбила три яйца. Сначала – белки, потом с желтками. Размешала с новорожденными. Добавила муки и соли. Жарила в кипящем арахисовом масле, выкладывая кашу ложкой.

Когда все разошлись, я съела одну котлетку. Не хотела,

чтобы кто-нибудь видел. Иначе, скажут, чтобы я по пятницам ела рыбу, как остальные. А если я буду есть рыбу, покроюсь прыщами. Другое дело – попробовать что-то, чего не ела никогда.

Котлетки таяли во рту. Такой нежной рыбы я не ела никогда!

Еженедельное меню первый месяц радовало. Второй – устраивало. Третий – стало надоедать. Менялись только фрукты. Осенью был виноград и хурма, бананы, каштаны и гранаты. Никаких роскошеств. Всё по сезону, по выгодной цене. Цитрусовые сейчас продаются по 5 евро за ящик. Ящики большие, для меня – неподъёмные. Так что не могу сказать, сколько там килограмм. Оно, конечно, витамин С в чистом виде, но я не люблю апельсины. Или, не очень люблю.

Так-то, сетовать не на что. Питание хоть и не отличается разнообразием, вполне сбалансированное. Здесь и зелень, и фрукты, и овощи, и мясо, и молоко, и хлеб, и крупы.

Но, мне не хватает вкусенького. Сладостей, печенек, конфет, булочек, колбасок, орешков, кисломолочки. Приходится покупать самой. Жаба душит, конечно. С другой стороны – пробую что-то новенькое. Вот с мороженым проблема. Порционное можно купить только в баре. Но я уже знаю все. А в магазинах – упаковками, от 6 штук. Я бы всё перепробовала, но зачем мне 6 рожков? Ладно, начнётся туристический сезон, появится мороженое в любом виде.

Но, лето, мороженое и ежедневные купания – в мечтах.

Вполне возможно, что мне придётся вернуться домой в ближайшее время.

А пока, мы с Пиной занимаемся хозяйством, показывая друг другу какие-то секреты домоведения. Например, дно старой удобной сковородки от длительной эксплуатации перекопилось. Франческо купил новую, двойную. Для той же фритаты – удобно. Поджаренную яичницу сначала переворачиваешь на верхнюю сковороду, а потом уже вываливаешь в тарелку. Но и двойная сковорода – вернее, обе – быстро перекопнулись. Они рассчитаны на электрические плиты, а здесь газ. Пина предпочитает старую. Старая, действительно, лучше. Со стеклянной крышкой, под которой видна степень готовности блюда. Но её деформированное дно соскальзывало с решётки.

Пина порылась в ящиках кухонных комодов и достала молоток: «Наташа, иди сюда!» – «Зачем Вам молоток?» – «Возьми сковородку, положи на пол дном кверху и отбей её молотком!» Я засомневалась в правильности услышанного. Старушка подтвердила жестами. Мне ничего другого не оставалось, как выполнить приказ. И чудо свершилось! Мы снова стали пользоваться проверенной огнём и временем вещью.

А я начала варить варенье из апельсинов, из яблок – фруктов много, они портятся. Варенье к блинам – лучше не придумать! Пине понравился «мармелата» – так это у них называется. Она спросила, где я его беру. Объяснила, что делаю

сама. Как? Рассказала. Креппе с мармелата вызвал одобрение синьоров. Особенно варенье понравилось Нино. Однажды я напекла блинов с сыром, и просто сладких, добавив в тесто сахарный песок. Увидев креппе, Нино обрадованно спросил: «Какие с мармеладом?» – «С мармеладом нет» – «Как, нет? Ты же сказала, что есть сладкие...» – «Сладкие с сахаром». Он так расстроился, что я пообещала назавтра сварить мармелад. Чистить апельсины помогала Пина. Она никогда не варила варенье, и выясняла, как я его делаю.

Про контрабандную неоната рассказала нашим. Юля хмыкнула: «Вот, называется законопослушные граждане!» Я изумилась: «Законопослушные? С чего бы? Берут сиделок без документов, не доплачивают треть, наверное, списывают на питание и проживание. Пермессо не оформляют, контрибуты не платят. Знают, что мы рыпаться не будем. О каком законопослушании ты говоришь?»

Глава 5. Siamo noi

По телевизору как-то была передача о нелегалках. В цикле «Siamo noi» («Мы вместе») итальянцы рассуждали о приезжей рабочей силе. Бадантам кидались обвинения в том, что дома они бросают детей и родителей и едут за деньгами.

Мы с девочками потом обсуждали эту передачу. Если кто и бросает родителей, то сами итальянцы-работодатели. Они берут сиделок, понятия не имея о них ничего. Здорова или больна женщина, входящая в их дом? Стабильна ли её психика? Как относится к старикам?

Часто сиделки живут вдвоём с бабушкой или дедушкой. Или втроём – если стариков двое. Но что синьоры знают о прислуге? Ничего. И знать не хотят. Я на этом месте уже пять месяцев. У меня ни разу не попросили показать паспорт.

Мы уезжаем, потому что нет другого выхода. Либо есть варианты, но нелегалыщина – лучший. За нашими стариками присматривают родственники, которым мы посылаем деньги на всё необходимое. Детей тоже никто не бросает. Да, мы женщины, и дети есть почти у всех. Но это – уже взрослые дети. Или, в редчайших случаях, оставленные с отцами либо бабушками-дедушками. Обычно такие мамы потом устраиваются на Сицилии и перевозят сюда всю семью.

По каким причинам мы лезем в долги? По одной – бе-

рём на себя ответственность за родных. Я знаю женщину, здесь за три года погасившую 13 кредитов. Она работает без выходных. И знаю только одну женщину, отрабатывающую свой личный кредит – это та самая Любочка Зуева, из Питера, с которой мы познакомились у Ольги, после моего сошествия с горных вершин Мотта Камастры. Люба купила квартиру в строящемся доме. Жить ей негде. А здесь – крыша над головой и зарплата. Через пару лет она вернётся в Питер и будет хозяйкой в собственной квартире. Хотя, Люба и сыну помогает. Моя роккалумерская подруга, Тамара Рябова, из Петрозаводска, как основная масса нелегалок, тоже помогает детям. Мы все так делаем.

Многие уезжают, чтобы решить личные проблемы. Разводы, расставания с когда-то любимыми мужчинами. Требуется кардинальная перемена в жизни. Приятный климат, масса впечатлений, занятость и греющая душу зарплата – не худший выход из душевного кризиса.

Часть женщин покидают родину именно потому, что у них там больные старики, для обеспечения лечения и нормального ухода за которыми нужно денег больше, чем возможно заработать, включая даже их пенсии. Свои заработки нелегалки отправляют родственникам, заботящимся о стариках. И вот, парадокс: чтобы наши родители не нуждались в необходимых вещах, мы ухаживаем за чужими. Моя знакомая работала для своего любимого отца. Он умер. Он был очень болен, так что известие не было неожиданным. Она просто хо-

тела, чтобы в последний год своей жизни он ни в чём не нуждался, ни в еде, ни в лекарствах. А потом рыдала безутешно: да, папа скончался в окружении родственников, но ей даже на похороны не попасть. Потому что похороны – тоже дорого, и деньги опять нужны, а если она улетит, обратно просто так не вернуться, проблемы возникнут и с деньгами, и с паспортом.

Ещё уезжают молодые пенсионерки. Быстро поняв, что работу не найти, а на пенсию не прожить, они берут билет на самолёт до Катании и пополняют ряды нелегальной рабочей силы.

Бывает так, что у работницы заканчивается срок действия загранпаспорта. В Палермо выдают новые паспорта, не обращая внимания на отсутствие визы. Итальянские чиновники понимают, что иностранка без паспорта – это международная проблема. А когда полетит-поедет домой, здесь ей вопросов не зададут, а на родине сама разберётся.

Бывает так, что нелегалка попадает в больницу. Медицинская карта выдаётся на полгода, потом надо продлевать. Лечение бесплатное. Платные только услуги стоматологов. Но девочки предпочитают отечественных дантистов. Не потому, что здесь эта услуга дорогая. Врачи хуже, это – общее мнение.

Про больницы узнала случайно. Лена из Мотта Камастры сломала ногу. А через две недели её подруга Света тоже сломала ногу, и её положение ухудшила прободная язва желуд-

ка. Свету спасли, хотя счёт шёл на часы. Почувствовав себя плохо, она терпела, думая, что обострился гастрит. После выписки Лена нашла Свете съёмную квартиру рядом со своей работой, точнее в том доме, где осенью работала я. Хозяева были рады получить хоть какие-то деньги за простаивающее жильё, и цену не заламывали. 200 евро в месяц – удобства все, включая холодильник.

А я так с осенними подругами и не пересеклась. В горы не доехать, транспорта нет. Даже в Джардини, где мы весело проводили время, пока не закончился купальный сезон, не выбраться – не на чем. Вернее, если бы я очень захотела погулять в компании именно там, пришлось бы ехать на автобусе до Таормины, а потом пересаживаться на Джардины. Или брать билет на поезд, а потом топать несколько километров от станции. На такие подвиги меня не тянуло. Тем более, что девочки собирались около 3 часов, а я выходная с 8 утра.

Так что путешествовать приходится часто в одиночку.

Глава 6. Полтора года назад

Рассуждать, что у кого осталось в России, сожалеть – бесполезно. Мы, работающие здесь, приехали, чётко осознавая: надо пахать. Кредиты, долги, помощь родственникам – это одна причина. Вторая, ничего странного: несчастная любовь.

Не все сразу решались круто изменить жизнь. Ввязавшись в нелегальщину, намывавшись по городкам и семьям, женщины останавливаются на каком-то более-менее приемлемом варианте, и работают годами.

Со временем, часть женщин перестаёт отсылать все деньги домой. Даже когда финансовая миссия выполнена, семья привыкает к ежемесячным вливаниям, и вместо: «Спасибо, мама, как ты выручила!» просит ещё и ещё. Кто-то так и остаётся дойной коровой. Кто-то выбирает другой вариант.

Понимание того, что благодарности ни от кого не дождёшься, приходит не сразу.

Меня морально убил один случай. 45-летняя бывшая учительница, после смерти мужа не имевшая возможности оплачивать сначала кредит за квартиру, а потом обучение дочери в вузе, подалась на Сицилию. Она работала 10 лет. Все деньги отправляла дочери. Дочь жила и училась, закончила университет, вышла замуж. Всё это время мама мечтала о том, как они встретятся.

Когда подошло время оформлять пенсию, героиня неле-

гального труда появилась на пороге собственной, заметьте, квартиры. И услышала от дочери простую, как удар топором, фразу: «Кто тебя сюда звал?»

Новоиспечённая пенсионерка купила обратный билет на остров-вулкан, и снова впряглась в труд на благо синьоров. Она прервала отношения с дочерью, благополучно вышла замуж и... И дочка, прощёлкав, что для неё открылись новые перспективы, стала спекулировать внуком, и теперь ездит к маме отдыхать в отпуск. Как всегда, на всё готовое.

От родни не открестишься. Практически все считают, что мы тут как сыр в масле катаемся. Конечно, женщины рады видеть детей и внуков, доставить им удовольствие. Но через год-два работы соображаловка включается даже у самых озабоченных семейными узами.

Когда навкальывавшаяся до депрессии баданта звонит своим и говорит: «Хочу приехать на Новый год», а в ответ слышит: «Зачем? Здесь плохо, и билет на самолёт такой дорогой. Лучше денег пришли, чем на дорогу тратить!», разум потихоньку восстаёт из-под обломков былого.

Поплакав, женщины избирают немного другой путь. Они сообщают своим, что остались без работы. А сами, уволившись, или взяв отпуск, отправляются в тур. Турция, Рим и Венеция, Париж, да вся Европа – пусть нет визы, но есть загранпаспорт, и пока ты не пересекаешь границы Евросоюза, до тебя никому нет дела. Есть разрешение на работу – отлично, вообще все пути открыты! Нет – есть телефоны тех,

кто сдаст комнату в разных городах и странах, и не спросит паспорт.

Затем – снова несколько месяцев работы, чувствительно меньшие переводы в валюте деткам, новая жалоба: «Я опять без работы!», и снова в отпуск.

Следующая стадия – полный отказ от субсидирования наследников, за исключением подарков на праздники.

Делается это проще простого. Женщина сообщает, что у неё появился жених, и она бросает работу и уходит жить к нему. Мол, хватит, пора и о себе подумать. Теперь дети могут получать символические подарки и, если повезёт, и отношения не разрушены окончательно, раз в год приезжать отдохнуть на Сицилии или в Италии. Не в гостях у мамы, а в гостинице. Объяснения проживания в отелях самые благовидные: «У нас дома больной дедушка», «Мой друг уехал по делам, и разрешил мне с вами съездить в Рим», «Хочу, чтобы вы жили на всём готовом и не стеснялись постороннего человека»...

Мнимая невеста, на самом деле, продолжает работать, и копит деньги. Она занимается собой, что делать никогда не поздно. И раз в год потратить тысячу-полторы евро, оставив у детей впечатление о том, какая она замечательная, проще и дешевле, чем обречённо расставаться с зарплатой каждый месяц, где в сумме за год набегает 5—6 тысяч. Опять же, если вернётся на родину, все будут считать, что она бедна как церковная мышь. Она же не работала, а жила с мужчи-

ной, но вот не сложилось.

Девочки делятся со мной секретами, учат уму-разуму. Они поучают: «Наташа, так нельзя жить!» Можно. Потому что в этот момент только так и нужно.

Когда 12 сентября 2014-го я ехала от Витебского вокзала на автобусе в Ригу, а потом, из Риги в Прагу, из Праги в Карловы Вары, чтобы там купить билет на Сицилию, вспоминала сентябрь 2013-го. И кто бы мне тогда сказал, что всё так изменится...

Старший сын не жил с нами, снимал квартиру, в гости наведывался так редко, что за годы эти визиты можно было пересчитать по пальцам.

В 2013-м я работала упаковщицей подарков в Большом Гостином Дворе. Устраивалась продавцом, как раз на подарки не хотела. Но потом пришлось встать к прилавку бокса с бантиками и ленточками.

Работа считалась хорошей, потому что упаковщицы могли сидеть, что продавцам категорически запрещалось. Сидеть было кайфово. Если клиенты были, я работала. Если нет – читала, засунув книгу под стол, или вырезала силуэтные картинки из остатков упаковочной бумаги. Картинки раздавала девочкам из нашего отдела, или детишкам, проходившим мимо.

Ещё мне нравилось делать бантики. Ну, кроме бантиков, там особо делать было и нечего. Коробки с подарками (хрусталь, вазы, сорочки, постельное, украшения, чемоданы, те-

лескоп, игрушки), зонты, и даже один раз велосипед!!! – заворачивались в яркую красивую (огромный выбор!) бумагу. Очень нарядно даже просто в бумаге. Но большинство заказчиков хотели бант. Банты научилась делать, когда работала художником-оформителем в «Супер-СИВА». И разнообразила это умение до настоящего искусства. Иногда корпела над изделием целый рабочий день. И его стоимость была ровно такой же, как самого простого, который можно было свернуть и завязать за несколько минут.

Помню, один бантик очень мне самой нравился – ёжик. Вернее, нравились многие, но ёжика я делала дольше всего. И вот, едва выложила его на прилавок, откуда-то появилась сменщица (она почему-то меня невзлюбила и всячески гадила) и сказала: «Кто купит такую ерунду? Ты только тратишь казённый материал!» Я ответила, что если ёжика не купят, сама его куплю.

В тот же день одна дама попросила упаковать как можно красивее два подарка, для мальчика и для девочки. Она ехала с благотворительной акцией в какой-то детский дом, и расстраивалась, что все подарки для детей непраздничные. Мы вместе выбрали бумагу и ленточки. И, когда речь зашла о бантиках, дама, взглянув на гирлянды одинаковых бантов от сменщицы, спросила: «А есть какие-нибудь необычные бантики?» Я показала ёжика и ещё несколько, с завитушками, сердечками, в виде цветов. Она восхитилась и сразу взяла ёжика и хризантему. Узнав цену, была поражена. Я объ-

яснила: «В стоимость входит только цена ленты по метражу, а цена работы фиксирована. Если обычный бант вяжется за пять минут, эти я делала по 10 часов. Но стоимость – одинакова».

Почему я искренне расстроилась, когда меня из посудного отдела, где весь день надо было наводить порядок в фейсах и консультировать покупателей, присматривающихся к хрусталу или тарелкам, отправили в бокс на упаковку? Я практически все 30 с лишним лет трудового стажа работала художником-оформителем. Обклеивать коробки бумагой и пришлёпывать на них банты – ниже моего уровня. Конечно, быть продавцом в посудной лавке тоже не являлось пределом мечтаний, но лучше не иметь никакого отношения к творчеству, чем улыбаться распальцованным клиентам, считающим, что раз упаковка такая дорогая, то им надо в ножки кланяться за то, что к нам обратились. Нет, в основном, клиенты вполне вменяемы, но некоторые доводили до тихой истерики. Особенно ужасно было, когда скапливалась очередь, и все начинали требовать вызвать ещё одну упаковщицу. Но другой не было. И шишки-банки сыпались на меня. Как говорится, художника всякий обидеть норовит.

Наблюдать за покупателями намного интересней.

Как-то работала за кассой, и в магазин в одиннадцатом часу вечера припёрлась пьяная мамочка с двухлетней дочкой. Они явно возвращались с какого-то праздника. Малыш-

ка была в костюме котёнка. Она зевала и тормозила, а мамашка громко разговаривала с ней: «Сюси-пуси, мой котёночек! А кто у нас такой красивый? Ты! Ты – кто? Котёночек! А если ты – котёночек, то кто твоя мама? А?» Девочка еле плелась, и видно было, что она готова лечь и уснуть прямо под кассой. Мамашка присела перед ней на корточки, и стала тормошить, зависнув на вопросе: «Ты котёночек, а я – кто?» Девочка моргнула и совершенно отчётливо произнесла: «А ты – сука!» Мамашка остолбенела: «Что?! Что ты сказала?!» Девочка ответила: «Ты – сука. Это не я сказала, это папа так говорит». В тот момент я была солидарна с неведомым мне папой котёночка.

Не буду отвлекаться. Итак, начало 2013-го. Планы на лето – ремонт дачного дома.

Родители давно предпочли деревню городу, и приезжали только за пенсиями и по врачам. Дом был построен четверть века назад, и сельские умельцы, получившие деньги за то, что покрыли крышу, крышу эту испортили. Случайно ли, назло ли, мне неизвестно, но дом стал течь сразу. Я ходила к ним, пытаюсь воззвать к совести. Безрезультатно. Мы как-то сами пробовали заделывать многочисленные дырки, но потом начала разваливаться печная труба. Дом требовал ремонта, о чём я с папой и мамой перетёрла, и пришла к выводу, что никого этот факт особо не волнует. Вздохнув, решила копить деньги, хотя бы на трубу. Надо будет найти печника. И узнать, сколько надо кирпичей и сколько стоит ра-

бота. Ещё дочка предлагала летом вместе отдохнуть. Съездить куда-нибудь к морю. Вместе (втроём, я, она и внук) мы отдыхали всего один раз. Так что я соглашалась, мы заранее обсуждали, куда могли бы полететь, искали туры повыгоднее, отели от четырёх звёзд с обязательным «всё включено».

В конце января мама позвонила мне в начале рабочего дня: «Наташа, с папой что-то не так!» Папаня был любителем попариться в баньке. Накануне он пошёл мыться, и подзадержался. Мама заволновалась и отправилась за ним. Папа лежал на полу бани. Она вытащила его, привела домой.

Однажды папа угорел в бане, переборщив с паром. Тогда мама также привела его домой, и он потихоньку очухался. Но в этот раз всё было иначе. Папа, пролежавший всю ночь, и утром не вставал, и не говорил. Оказалось, что у него случился инсульт. Мама не поняла, не вызвала скорую. Потом она постоянно винила себя за это. Я успокаивала и говорила, что сама бы не поняла – нас же учат чему угодно, только не жизненно важным правилам. Может быть, сейчас ситуация в учебных заведениях изменилась, но в советские времена на уроках ОБЖ (не помню, как тогда они назывались) нас учили собирать-разбирать автоматы и отличать звания военных по погонам.

Папа провёл в постели полтора года. Мне пришлось уволиться с работы. Сначала я взяла две недели, а потом месяц за свой счёт. Папа лежал, не двигаясь, врачи говорили, что это конец. Мы с мамой шевелились по хозяйству. Мама по-

долгу сидела, обнимая мужа, единственного мужчину, которого она любила больше 50 лет.

Вспоминая сейчас те дни, недели, месяцы, я то плачу, то улыбаюсь. Я вспоминаю папу. Никогда мы не проводили рядом столько времени, как в те полтора года, что он не мог ходить. А потом – ушёл навсегда. Снова плачу. Извините.

Я снова в той, страшной для нас, зиме:

Одним утром я заметила, что дальняя поленница готова осыпаться из-под навеса. Чтобы предупредить несчастный случай, беру длинную палку и рушу выпирающий, как пузо беременной, слой ольхи и берёзы. Мама спешит на весёлый стук деревяшек: «Что ты делаешь?!» – «Дрова принесу» – «Отсюда не надо!» – «Почему?» – «Не трогай!» – «Почему?» – «Нам из ближней поленницы дров хватит!» – «А, если не хватит?» – «Тогда и возьмём!» – «Мам, успокойся» – «Ты много дров жжёшь!» – «Мне холодно».

Мама вдруг идёт на мировую: «Ладно».

Я несу дрова в дом, сжимая шаг до маминых китайских семенюшек. Она держит поленья изящно и сообщает: «Отец встанет, новых нарубит!»

Ни-ког-да. Сколько бы он ни протянул, дрова рубить ему уже не придётся. Размышляю о том, что надо достать инвалидную коляску. Только, у нас высокие пороги и узкий коридорчик. Проблема. Однако, по любому, тёплый дом у леса лучше комнаты на троих в десятикомнатной коммуналке.

Также в мои обязанности входит посещение врача и апте-

ки, закупка продуктов.

Я вхожу с мороза и резко отворачиваюсь к рукомойнику.

Мама гладит седеющие волосы супруга и шепчет: «Мишенька, поправляйся, слышишь? Родной мой, мы же крышу хотели перекрыть летом, трубу перекладывать надо, в бaigne пол поменять, и забор со стороны леса завалился... Как в таком хозяйстве без хозяина-то? Ты лежишь, и дому плохо, и мне плохо...»

Психолог Ирка гудит в трубку: «Средняя продолжительность жизни мужчин в России... А вашему папе уже за 80. После восьмидесяти каждый день – праздник. Ваше горе неожиданно, но вполне ожидаемо...»

У Жени свекровь лежит год. У Ани свекровь лежала несколько лет. Мамина младшая сестра не протянула после инсульта месяца. Танина мать отлежала восемь лет. Тётя Тася напекла внуку пирожков, вышла из дома и умерла.

Папа быстро сдаёт позиции. Когда я приехала, он ещёковылял к печке, подволакивая левую ногу, и играл со мной в шашки. Сейчас он с трудом и нашей двусторонней помощью едва высиживает несколько минут на кровати, пока мама кормит его с ложечки.

В изголовье его постели мама повесила своё распятие. Распятие ей передал в ссылке заболевший отец. Её отец умер рано, ему было всего 45.

Это распятие висело над моей казённой железной кроватью, в нашей ледяной теплушке, а потом перекочевало в ком-

муналку. Оно такое старое, что слова с обратной стороны почти полностью истёрлись.

Я говорю: «Знаете, мне на Сицилии сразу понравилось у синьоров, потому что над кроватью было распятие». Чтобы отвлечься от горьких мыслей, начинаю рассказывать, как жила на склоне Этны при синьоре Росарии Папалардо.

За окнами – сугробы по пояс, старый толстый пёс Цыган старательно брешет под дверью, поджидая, кто выйдет угостить его конфетой.

С прошлого года родители не держат ни коз, ни кур. Небольшой хлев-куратник отдан Цыгану. По сравнению с будкой – дворец: сруб под шифером, предбанник, чердачок, «комната» с двумя окошечками. Пёс доволен, но тёмное время суток проводит в конуре перед верандой.

Снова отключили свет, и какое-то телешоу, вносящее в умы некоторое оживление, проходит не для нас. Мама боится огня и ставит подсвечники в тазик. Я рассказываю своим пенсионерам о больных престарелых синьорах, их детях, нанимающих сиделок из России, о сиделках, подчас знакомых с медициной из рекламы пилюль и памперсов, и думаю, что всё это было не со мной.

Почему нам кажется, что наши родители бессмертны? Наверное, потому, что пока они живы, мы – дети. Вместе с папой уходила часть моего детства. Папа хрипит: «Наташа, как мне всё это надоело! Я устал...» Я спрашиваю: «Апельсин будешь?» и чищу дольки, разламываю на мелкие кусочки

и думаю: «Не умирай!..»

А какие были планы... Я ведь занималась дайвингом, и заканчивала очередной курс и готовилась сдать экзамен, мечтая о поездке с дайвклубом на весеннее сафари в Индонезию... Я мечтала издать за свой счёт «Нелегалку», и втихаря копила деньги... Но, увы и ах.

Я вышла на работу и несколько месяцев моталась на дачу каждую неделю, разгребать дорожки от щедрого снега, таскать воду и дрова.

Мои смены были 2/2. В нерабочие дни рыскала по супермаркетам в поисках скидок и спецпредложений на продукты. Набив тележку и рюкзак макаронами, крупой, фруктами, консервами и обязательно – сладостями, бумажными салфетками и туалетной бумагой, прихватив упаковку памперсов для взрослых и лекарства, я тащилась на 6-часовую электричку, чтобы в полдень распахнуть калитку дачи и бодро (сжимаясь от головной боли, мне всегда плохо в дальних поездках) крикнуть: «А, вот и я! Есть кто дома?!»

Лето было жарким. Или нет? Я не помню. Помню только работу, в выходные прилавки с продуктами, поездки, духоту, жару и постоянную головную боль. В июле не выдержала и подала на увольнение.

В августе дочка ультимативно объявила, что я должна составить им с внуком компанию на отпуск. Как раз тогда старший сын остался без работы. Отправив его на деревню, к бабушке, мы втроём махнули в Турцию. Полетели, взяв в долг.

Я рассчитывала, что осенью перевезу родителей в город, и устроюсь на работу. С одной стороны, на даче больному папе было лучше, чем в комнате 11-комнатной коммунальной квартиры. Так посмотреть, и нам с мамой было лучше. Втроём, с лежачим, в одной комнате, в квартире, где толком не помыться, с вечно занятым туалетом – или в своём доме, на свежем воздухе, где сами себе хозяева. Но денег не хватало, и, к тому же, я не приспособлена к низким температурам – у меня аллергия на холод. А дом круглые сутки без перерыва никто отапливать не будет.

Из Турции вернулись накануне 1 сентября. Школа, покупки, кроме всего прочего, внуку понадобился новый диван и компьютерное кресло.

Папа стал стабилен. Он сам садился, ел, почти всегда разговаривал. Зимой и весной я делала ему курсы уколов. Три месяца он почти не шевелился. А потом ожил. О полном выздоровлении речи не было, но папа уже пытался ходить. Я сказала родителям, что осенью надо будет обязательно переехать в город, до весны. И что мне надо найти работу. Где-нибудь рядом с домом. С графиком неделя через неделю. И поехала в Питер.

Пока искала работу, сидела на бобах. Чай, кофе, бомжпакеты, булка, яблоки и овощи с дачи. Когда становилось невмоготу, шла в «Копейку», брала порцию печёнки с гречей.

Старшенький позвонил в субботу вечером, совершенно неожиданно: «Мам, ты дома? Я тут рядом. Зайду?» Я расте-

рялась: «У меня ничего нет, кроме чая. Даже хлеба нет...» – «Я куплю пирогов. Тебе с чем взять?» – «Всё равно. Только не рыбу и не яйца. У меня аллергия, ты помнишь?» – «Помню» – «Ты на мотоцикле?» – «На машине. На мотоцикл больше не сяду. Я его продаю».

Мы пили чай с пирогами. Младший пришёл с работы раньше. Вообще-то, мои сыновья друг с другом не ладят, давно уже. Родные – как чужие. Но тут встретились, поболтали, посмеялись. Перед тем, как уехать, дорогой гость спросил: «Можешь позвонить в деревню? Хочу поговорить с бабушкой и дедушкой». Я поразилась. Он у нас не очень общительный, а тут чудеса такие. Позвонила. Поговорили. Все довольны.

Потом я узнала, что он от меня направился к сестре с отцом. Там его тоже не ожидали увидеть. Он пробыл у них почти до полуночи. Потом уже я думала: «Словно попрощался со всеми».

В семь утра меня разбудил телефон. Рано утром сын ехал на мотоцикле, и его сбила машина, которая скрылась с места происшествия. Свидетелей нет. Пострадавшего везут в Елизаветинскую больницу. Плохи дела. Елизаветинская – «Третья истребительная» – в городе имеет дурную славу.

Я сидела на лестнице перед дверью в операционный бокс. Потому что не было никаких сидений. Можно было посидеть на батарее, но от окон так дуло, что спину заламывало через минуту. Пыталась пристроиться на ступеньках стремянки,

но стремянка оказалась слишком грязной.

Операция шла четвёртый час. По коридору бежали врачи и медсёстры. Со мной никто не разговаривал. Только одна девушка в белом халатике (потом я её ни разу не видела, даже подумала, что это была галлюцинация) задержалась (я кидалась ко всем, кто выходил из операционной, но медперсонал делал вид, что меня не существует). Девушка засмеялась на мои расспросы: «Ничего страшного! Там самое неприятное – бедро правой ноги, плохой перелом, остальное ерунда!»

В одиннадцатом часу подъехала дочка. Она пробыла со мной пару часов, и уехала в ГАИ, за вещами брата. Конечно, много чего пропало. Да и фиг-то с ним. Но шлем она привезла домой, и он остался страшным сувениром – расколёженный, без защитного стекла. Мотоцикл годился только в металлолом.

Через шесть часов двери операционного отделения распахнулись и десяток врачей, окружив каталку с вытасненным с того света байкером, направились к грузовому лифту. Я стояла с отвисшей челюстью. Правая рука и левая нога были полностью загипсованы. Из левой руки и правой ноги торчали металлические конструкции. Синяки, шрамы и... Абсолютно чистое лицо – ни единой царапины! Я кинулась к ребёнку, меня оттеснили от каталки: «Мать? Кто разрешил?» – «Куда его везут?» – «В реанимацию». Я понеслась вниз.

Перед реанимацией никого не было. «Где мой сын?!» – я

так орала, что на меня, наконец, отреагировали: «На рентгене». Помчалась к рентген-кабинету.

Они не знали, как его переложить на стол.

– Нельзя его брать. Руки и ноги переломаны. Таз сломан.

Я вошла в кабинет, слушала, смотрела и отказывалась верить.

Почему он был на мотоцикле? Он же вчера вечером говорил, что больше никогда... И как вообще?.. Он права получил, едва исполнилось 18, у него официально водительский стаж 13 лет, и никаких проблем не было. Он любит технику и умеет с ней обращаться. Машины для него – святое. А сгнувшейся в металлоломе «Хондой» он гордился. Почему решил продавать? Хотя, уже и продавать нечего...

Но я помню, как он приезжал ко мне в детский оздоровительный лагерь, где я работала кружководом. Слезал с чёрного сиденья, скрипя кожаной экипировкой, стягивал с головы чёрный шлем. На парковке байк сразу окружали мальчишки: «Дяденька, можно потрогать?» – «Можно».

Наконец, толпа в белом натянула под ним простынь, как пожарные – спасательный брезент. На «Раз-два-три» приподняли, дёрнули и передвинули под рентген-аппарат. Раздался стон, я закричала: «Берти!» и рванулась к нему. Меня выгнали, двери закрыли.

Потом я бежала за каталкой по длинному коридору, пока за ней не закрылась дверь реанимации.

Какой-то мужчина вышел через полчаса. Я едва сообра-

зила, что он ищет меня. Меня здесь никто не мог искать. Что я здесь делаю? Меня здесь нет!!! Это – всё неправда!

Я ещё не проронила ни одной слезинки.

«Доктор, как он?» – «Никаких прогнозов» – «Что ему привезти?» – «Ничего» – «Когда к нему можно приехать?» – «Не надо» – «Что?» – «Не надо приезжать, это не имеет смысла. Он в коме. Звоните в справочное» – «Как – в коме?!» – «Не пугайтесь того, чего не понимаете. Медицинская кома. Он почему-то не терял сознания. С такими-то травмами... Если организм выдержит, через несколько дней будем выводить из комы. Пока нельзя» – «А какие у него травмы?» – «Сочетанные» – «Что?» – «Множественные, плохо совместимые с жизнью».

Я не помню, когда начала плакать. Плакала, когда ходила пешком от метро до больницы, тратя деньги на автобус или маршрутку лишь в крайнем случае, если был ливень или ледяной ветер.

В реанимацию не пускали. Я тупо приезжала каждый день и караулила у двери хоть кого-то из медперсонала. На третий день врач сказал: «Завтра будем выводить из комы. Больше держать его так нельзя. Предупреждаю: сердце может не выдержать, слишком много боли. Но, если всё обойдётся, у него будет воспаление лёгких, он всё это время на искусственной вентиляции».

На другой день я отсвечивала перед реанимацией с раннего утра. Врач поражённо развёл руками: «Он очнулся сам.

Ночью. Сгрыз гипс на левой руке. Состояние тяжёлое. Надо купить...» Это было чудо. Надо было купить памперсы, пелёнки, детские пюре, спортивные смеси для питания, воду, какие-то питательные напитки, лекарства, шприцы. Я спросила: «Что говорит?» – «Первым делом поинтересовался, пострадал ли кто ещё, и возблагодарил Бога, что никто больше!»

Я села, чтобы составить список необходимого, и тут ко мне подошла девушка: «Наталья Михайловна? Я – Надя». Надя? Берт познакомился с Надей совсем недавно, в начале сентября. Она улетела отдыхать в Италию. А он разбился. Друзья ей написали. Она прервала отдых и вот – рядом со мной, в подвале «третьей истребительной».

Мы поговорили, и тут случилось второе чудо. Надю пустили в реанимацию. Как оказалось, когда-то она училась в медицинском, и проходила практику в реанимации Елизаветинской больницы. Знакомые остались.

– Как он?

– Шутит.

– Шутит?

– Я его покормила.

– Господи...

– Это надолго.

Это было чудо номер два. Первое, как утверждали медики – что сын вообще смог выжить. Он сам говорил, что ему помог образок святого Николая.

Мои мальчишки крещены в Никольском соборе. А в Турции мы с дочкой и внуком, среди прочих экскурсий, взяли поездку в Демре. Там я купила тканые образки, закреплённые между металлических полуovalов, с висящими крестиками. Привезла всем – детям и родителям. Берт накануне роковой поездки почему-то подумал, что святой покровитель путешественников должен быть с ним всегда. Он вынул образок из металла и вложил в права.

Я уверена, что Берт упорно вылезал из невозможности выжить, потому что рядом была Надя.

Через 12 дней врач встретил меня словами: «Вашего сына здесь нет». Я схватилась за сердце.

– Женщина! Да, что Вы! Его перевели в травматологию!

Часто дыша, выдыхая как при схватках, я понеслась на шестой этаж.

Это было что-то.

В больнице вёлся ремонт. Отделение травматологии даже в муравейником сравнить нельзя было. Койки в коридорах, больные в гипсе, родственники, заваленные пакетами полы, запах крови и испражнений... Я очумела с первого взгляда и не сразу поняла, что где-то далеко мне машут Надя и Берт.

Двинулась вперёд.

На первой же кровати в коридоре лежала абсолютно голая пожилая женщина и кричала как сумасшедшая (неврология тоже на ремонте).

Затем – мужчина. Толстый, с загипсованной ногой. Нога –

на стуле. Стул – на кровати. Мужчина невозмутимо читает газету.

Семейное ложе. Юноша с перебинтованной головой, кровь запёкшаяся, бинты серые. Но – радостно возбуждён. Рядом с ним лежит девушка, крепко его обнимая. Болтают, не замечая ничего.

Старик. Мат на мате. Воняет невыносимо.

Пожилая женщина. Санитарка меняет ей постельное, ворочая больную, не обращая внимания на слёзы.

Парень. Нога в гипсе. Строчит что-то в ноутбуке.

Женщина.

Мужчина.

Берти. Надя и медсестра пытаются зафиксировать его правую руку повязкой, он отбивается (у него двигается только эта рука): «Не дамся! Я так хоть попить могу взять!»

– Здравствуй, ребёнок!

– Привет, мам!

– Наталья Михайловна, скажите ему, что рука должна зажить, у него ключица сломана!

– Какой ужас! А что с пальцами?

– Мам, ничего, уже зажили! Почти.

– Он так и будет здесь лежать?

– Мам, познакомься, это Маша!

– Здравствуйте, Маша! Очень приятно.

– Маша – моя знакомая. Она здесь работает.

– Через час выписывают кого-то из шестой палаты, я его

сразу туда определю. Там кровать нормальная.

Кровати. Наверное, довоенные. С железными провисающими сетками.

Через час мой ребёнок лежал в палате на шесть человек. Койка – почти современная. (Надо купить противопролежневый матрас). Лекарства, продукты, простыни... («Где деньги, Зин?»)

Но сначала – ребёнка надо помыть. Как? Я боялась к нему притронуться. Командовала Надя. Берт судорожно вцепился в простыню: «Нет! Мама, не смотри, мне стыдно!» Я вздохнула: «Хватит уже, что я, тебя не видела?» – «Мама, я голый!» – «Понимаю» – «Ты не понимаешь! Они-меня-побрили!!!»

Мы хохотали втроём, борясь за простыню.

Денег на матрас прислала Ира из Катании. Совершенно неожиданно. Она всё ждала, когда я приеду к ней в гости, но об этом речь уже не шла. И вдруг написала, что сделала мне перевод.

Я приезжала в больницу каждый день, сидя между кроватью сына и умывальником с 9 утра до 9 вечера. В 8 меня сменяла Надя, приезжая после работы. Вдвоём мы мыли и переодевали пострадавшего, меняли постельное. Наволочки, простыни и пододеяльники по графику менялись раз в 10 дней. Одна из нянечек меняла наши каждый раз в свою смену. Но бельё пачкалось каждый день. Я купила в ИКЕА несколько дешёвых комплектов и забирала стирку домой.

Почти каждый день приезжали друзья Берта.

Лежачие мужики, в гипсах, в капельницах и катетерах, скоро перестали меня стесняться. Только один возмутился: «Тебе здесь нельзя! Это мужская палата! Мне не нравится, что ты здесь сидишь!» Каждый раз его вопли сдабривались матюгами и тыканьем. Как-то я не выдержала и обложила его в три этажа, предъявив требование обращаться ко мне на «Вы». Он притих. Берт укорил меня: «Мама, он же больной».

Я тоже больная. Сердце прихватывало всё чаще. Сидеть на табуреточке 12 часов, вздрагивая от малейшего звука, моему здоровью противопоказано. Врачи говорили, что хорошо бы, если бы я находилась при сыне круглосуточно. Это было выше моих сил. Дома ложилась и не могла уснуть. Я почти перестала спать в те месяцы.

К родителям выбралась в конце октября. На выходных с Бертом остались сестра и невеста.

Мама и папа слушали печальный рассказ.

– Мама, я не смогу к вам приезжать. Если получится вот так, на выходных.

– Что делать...

В электричке прикидывала, как ездить к родителям. Просить дочку, работающую за двоих, и посещающую брата, жертвовать редкими выходными? Дома ждал сюрприз. Дочка сломала ногу. Я позвонила маме: «Не знаю, когда теперь к вам приеду. Держитесь» – «А мы что, мы ничего. Продук-

ты есть, дома тепло».

Илья Муромец лежал на печи 33 года. Мой байкер лежал на спине 33 дня. Врачи говорили, что это на полгода, не меньше. Ходить сможет года через два.

Чтобы не образовалось пролежней, Надя купила спрей и сразу предупредила: «Это лекарство для животных. Моя подруга, ветеринар, сказала, что для людей – лучше, чем какое-либо другое». Я не спорила. Надя – медик, пусть и не работает по специальности.

Спрей был ярко бирюзовый. Друзья стали в шутку называть сына Аватаром. Лечащий врач на обходе чуть в обморок не упал, попросил показать баллончик. Почитал и накинулся на меня: «Это – для животных! Что Вы тут самостоятельность разводите?!» Я сурово ответила: «Собаке – собачьи средства!» Врач обалдел: «Собаке?» – «Мой сын родился в год Собаки, так что лекарство как раз для него!» Берт не спорил, он доверял своей девушке целиком и полностью. И спрей оказался отличным, потом к нам записать название многие подходили.

На тридцать четвёртый день я вошла в палату и увидела, что сын лежит на боку. Мне стало плохо: «Кто тебя перевернул?! Нельзя же!»

Важную операцию на скрепление костей таза (четыре перелома) откладывали, потому что у Берта держалась температура. Только вчера я сходила с ума, потому что сын трясся в ознобе, не смотря на показания градусника в 39,5. Его руки

были ледяными, он стонал: «Мам, мне холодно, согрей меня...» Уколы и капельницы не помогали. Пневмония. Я сложила на него все одеяла, подушки (привезла из дома 4 штуки), пальто. Обернула его кисти шерстяной шалью. Пристроилась рядом, дыша на холодные пальцы. Маша сказала, что это – сердце. Не справляется. А сегодня он лежат на боку.

– Мам, оставь. Я сам повернулся. Хочу хоть немного побыть в другой позе. Не представляешь, как это здорово...

Ещё через неделю он сел. Ходить не мог. Множественные переломы: шейка бедра, кости, колени, пальцы, начисто срезанная левая пятка, сотрясение мозга, ушиб позвоночника.

Это тоже было утром. Я вошла – он сидит: «Надя обещала, что забежит утром. Представляешь, она войдёт – а я сижу!» Надя пришла в обед. Он уже спал. Но, как только услышал её голос, открыл глаза: «Выйди на минуту!»

Он сел. Она вошла. Они обнялись и заплакали. Я ушла на лестницу к операционной и тоже разревелась. Сын ни разу не увидел моих слёз. Плакала всегда на той же лестнице. Потом спускалась в приёмное отделение, умывалась в туалете, покупала в буфете мороженое и приносила ему.

Едва привыкнув к сидячему положению, сын пересел на инвалидную коляску. Раскатывал по больнице, отталкиваясь костылём, который держал в правой руке, и пел: «На маленьком плоту!..» Врачи ругались, сёстры хохотали.

Коляску на прокат дала Катя. С ней мы вместе учились в универе. Сейчас Екатерина Алексеева работает заместите-

лем директора по воспитательной работе в школе для детей с ограниченными возможностями – ГБОУ «Центр «Динамика». Разрешение взять коляску из резерва дали директор и руководитель службы адаптивной физической культуры. А Катя обратилась к нашим бывшим однокурсникам, и собрала денег на костыли и другие нужды.

В Динамике я несколько раз проводила выставки и мастер-классы, дарила картины для оформления школы. Катя звала меня работать, но я всегда отказывалась. Столько боли... Родителям таких детишек при жизни памятники ставить надо.

Катя не раз предлагала, что приедет в больницу, но я отказалась с ней встречаться: «Катюха, я такая убитая, страшная, безрадостная. Не хочу, чтобы меня хоть кто-то видел в таком состоянии. Извини. Потом, всё потом...»

Я не выношу, когда люди видят, что мне плохо. На всех фотографиях я сияю улыбкой. Если улыбки нет – дело плохо, значит, сил нет сохранять лицо, хотя фотографироваться зачем-то пришлось.

Кто-то ещё присылал мне деньги через интернет, не назвавшись. Всем спасибо.

Берта выписали во второй половине ноября. Дома стояла специальная кровать. Когда моя подруга Галя сломала руку и спину, ей, как инвалиду, выдали эту кровать. Но бумажная волокита длилась полгода, и когда кровать привезли, Галя уже ходила. Кровать она отдала нам.

На самом деле, я никому не рассказывала, что у меня случилось. Вернее, рассказала нескольким подругам, проверенным временем. Молчать о таком нельзя, надо выговариваться, поплакать ели не на плече, так хоть в трубку. Ирка-психологиня выручала, ей доставалось больше всего моих стенаний. Одна бывшая подруга, с которой когда-то работали вместе, перед описываемыми событиями звала в гости. Я позвонила ей, объяснив, почему не приеду. Она перестала со мной общаться. Быстро закруглила разговор и больше на звонки не отвечала. Поэтому слушали меня Ира, Катя (ей я позвонила узнать насчёт коляски), Галя и Марина. С Мариной мы общаемся с училища, с 14 лет, не раз выручали друг друга кое в чём. А с Галей Горошко я познакомилась в 1999 году, в редакции благотворительной газеты «Русский инвалид». В редакцию попала случайно, зашла за компанию, и осталась надолго, став безгонорарным корреспондентом. И из Сицилии, в первый и второй заезды, присылала материалы, которые главный редактор «Русского инвалида», Геннадий Васильевич Дягилев, одобрял и ставил в готовящиеся номера. Всю вёрстку и дизайн делает Галя. Мы созваниваемся часто. Вернее, общаемся по скайпу. Но это я отвлеклась. Продолжу о больнице.

Перед тем, как мы с сыном покинули палату, я сделала подарки всему персоналу, от врачей до уборщиц, и некоторым больным. На осень у меня было запланировано несколько выставок. И на зиму тоже, но я уже ничего не хотела. Рабо-

ты отдавала легко, с радостью. Только одна санитарка не получила ничего. Она напрасно ходила за мной по отделению, восхищаясь картинами. Я, что называется, в упор её не увидела.

Однажды сыну надо было поправить матрас, но я не могла справиться без помощи, ребёночек занимался боксом и весил почти сто кило. Я обратилась к этой санитарке. Она вошла за мной в палату и тут же удалилась, бросив небрежное: «Сами разбирайтесь!» Я снова отправилась на поиски помощников, и задача была решена. Та санитарка ни разу не откликнулась ни на одну мою просьбу. Вторая, заступая на смену, сразу бежала ко мне (я ей не платила), спрашивая, не надо ли чего, и говорила, что второй раз за несколько лет видит, чтобы за несчастным вот так ухаживали, не отходя ни на шаг. А что я ещё могла сделать? Были бы деньги, перевела бы в платное отделение, с качественным профессиональным уходом.

Едва сына привезли домой, помчалась к родителям. Договорились, что буду искать машину, и заберу их в город.

Вернулась в город и обомлела: наш дом в строительных лесах, затянут плёнкой. Ремонт фасада. В комнате темно, на балкон не выйти, грязь, грохот, топот и крики с утра до ночи. Позвонила на дачу: «Переезд отменяется». Какой уж тут переезд, ни одежду высушить, ни помещение проветрить.

Позвонила Ирке, обосновавшейся на псковщине, попросила о помощи. Учитывая, что я пока не имела возможно-

сти жить с родителями, надо было запасти побольше продуктов. Ирка сказала, что в Плюссе есть несколько магазинов («Пятёрочка», «Дикси»), и она с мужем доставит меня и продовольствие на дачу. Продукты закупила, забив машину под завязку. У нас на даче носили в дом втроём. Мама охала, всплёскивала руками: «Куда столько?!» Сколько столько и что – столько? Макароны, крупы, мука, масло, конфеты, чай, кофе, печенье. И немного колбасы, сыра, творога – скоропорт. Холодильника нет.

Зима выдалась европейской. Снега не было вообще. Я металась между городом и деревней, радуясь, что маме не надо прорывать туннели до колодца и дровяника, и в поселковый магазин и в церковь идти не по льду.

Сын не мог ходить по кабинетам, я собирала справки, копии документов, выписки, рентгены, записывала его на дополнительные обследования, вызывала врачей на дом. В реабилитационный центр его не взяли, объяснив, что берут только тех, для кого есть надежда на восстановление. В ещё один реабилитационный центр очередь была на два года.

В марте Берту срочно понадобились новые операции. Штифты, на которых держались раздробленные кости рук и ног, не приживались, началось отторжение. Оперировали в госпитале ветеранов войн. Условия там кардинально отличались от Елизаветинской. Отдельная палата, персонал бдит. Моя помощь сыну была минимальной. Госпитализация в эту больницу тоже была чудом. Изначально его должны были по-

ложить в НИИ скорой помощи. Не знаю, было бы там лучше или хуже, но перед этими операциями, когда была на даче, увидела по телевизору передачу о святом Луке Крымском. Я влезла на разные форумы, стала просить кого-нибудь прислать образок. Откликнулась девушка Мария, с красивой фамилией Турская, из Симферополя, тоже имеющая троих детей. Она написала: «Мы с мужем будем рады помочь Вам и Вашему сыну. Муж купит образок или открытку, и сходит в храм, приложит к мощам Св. Луки. Также можем на ночь положить открытку в мощевик с мощами 28 Святых и Креста Господнего». Вскоре Мария прислала образок и триптих, и я сразу подарила их сыну, велев держать при себе. Когда Берт позвонил и сказал, что он лежит в госпитале ветеранов войн, я воскликнула: «Святой Лука помогает!!!» Сын смеялся: «Меня тут спрашивают, ветеран какой я войны?» Я сказала: «Отвечай, что ты ветеран дорожных войн!»

В начале апреля я уехала с дачи, сказав маме, что мне необходимо устроиться на работу. Мы перезимовали, более-менее справились со всеми напастями. Папа стабилен, сидит, разговаривает. Я буду искать место с графиком недели через неделю, чтобы ездить к ним. Не работать не могу. Я уже выплачиваю два кредита, и влезла в долги. Родители не понимали, какое это дорогое мероприятие – больницы и операции. Они отдавали всё, что могли, денег всё равно не хватало.

Постаравшись, можно было бы поджаться и довести бытие

до абсурда, экономя не только на своих личных нуждах. Но я не могла отказывать старикам в маленьких удовольствиях. Каждый раз, когда распаковывала тележку и сумки, глаза папы оживлённо блестели и видно было, что он ждёт подарочков, как маленький. Мама корила за траты, но с удовольствием перенимала из моих рук жестяные музыкальные банки с чаем, пельмени, сырки, тортики, рыбные консервы, яркие журналы, новые наволочки и посуду. Даже на меня в деревне нападала тоска, что уж говорить прикованных к дому пенсионерах.

В городе мне было веселее. Я прочёсывала распродажи и одевалась более чем прилично, приобретая в бутиках вещи со скидками до 90%. В конце концов, какая разница, остались джинсы или пуловер с прошлого сезона или являются пискom моды. С возрастом понимаешь, что в одежде и обуви главное – комфорт. В городе я отдыхала от нежелательных мыслей, навроде «как быть» и «что делать», посещая бесплатные культурные мероприятия, или, благодаря подруге-инвалиду, проходя бесплатно (или почти бесплатно) на выставки и в музеи. Она проходила по пенсионному удостоверению, я – по её инвалидному.

Итак, работу нашла быстро, привередничать не стала, выбрала магазин поближе к дому, собралась трудоустроиваться, но тут позвонила мама: «Наташа, приезжай. У меня ноги отнялись».

Цыган загрохотал цепью, запрыгал, заливаясь счастливым

лаем: кормить будут! Я вошла в дом. На одной кровати папа лежит, на другой – мама. Я подумала: «Хорошо, что кошку не завели. Весь дом перессала бы». У нас всегда были кошки. Но когда папа заболел, а кот Гриня пропал, мы решили, что пока обойдёмся без котёнка, как бы ни хотелось.

Теперь, когда родители сдали, пса стали ценить ещё больше. А, ведь было время...

Без собаки на даче никак, там более, что родители живут там постоянно. Но первые два пса прожили недолго. Банзай попал под машину, а Топтыгин пропал.

Мама просила, чтоб привезли какую-нибудь дворняжку, и Берт привёз Цыгана. Щенок был тощим и маленьким, как котёнок. А вырос с овчарку.

Мама Цыгана невлюбила за габариты. Она и так-то собак не жалует, а тут такой кобель. Да ещё злой, как собака. Как хорошая сторожевая собака. Своих знает, а чужих на дух не переносит. Почему – непонятненько, никто его так не дрессировал.

Как-то летом мама позвонила и велела купить снотворного. Она решила, что от Цыгана надо избавиться, пока он кого-нибудь не покусал. Все были против такой превентивной меры, но мама жаловалась, что ей с псом не справиться, и она стала его бояться.

Надо сказать, что деревенские к собакам относятся весьма просто. Если чья-то собака придушит курицу, виноватую просто пристреливают. Или вот соседи в город переби-

рались, а собаку взять не могли. Зарубили, и дело с концом. Это в городе собака – друг человека. В деревне – такая же скотина, как корова или свинья, должна приносить пользу, а за ненадобностью уничтожается.

Снотворное я купила, надеясь, что применено оно не будет.

Мама позвонила через день.

Для надёжности она сходила в аптеку и купила ещё две упаковки. Недрогнувшей рукой всыпала Цыгану в еду полтора ста таблеток. Ради такого случая ужин ему сварганила царский – чтоб напоследок наелся от пуза, и даже с цепи спустила – чтоб побегал.

Пёс поел и уснул. А мама всю ночь плакала и крестилась. Утром вышла во двор, а Цыган её встречает – рот до ушей, хвостом виляет от переизбытка чувств и ещё пожрать просит! Чтоб снова по-царски!

Мама была счастлива. И оставила дурную мысль о казни сторожа. С годами он стал менее активен, и более дружелюбен, но лаял по-прежнему громко и грозно.

Я вызвала неотложку. Сельские медики, знакомые с нашими проблемами, сказали, что после нас едут в райцентр и привезут необходимые лекарства и уколы. Мама начала ходить на вторую неделю. Потихоньку, помаленьку, держась за стеночки. В мае она вполне бодро передвигалась по двору. И тут сдалась я.

Валялась в кровати, боясь пошевелиться. Сердце качало

кровь с перебоями, в ушах звенело день и ночь, я часто задышалась. От любого движения в глазах темнело.

Неделю обождала и кое-как собралась в город, по врачам. Обследования, отказы от госпитализаций почти в каждом кабинете, игнорирование пугающих диагнозов, согласие на дневной стационар. Но тут снова позвонила мама: «Наташа, папе плохо». Поехала на дачу.

Папа умер в июне. Его похоронили на старинном лесном кладбище, на месте, где когда-то стояла церковь, рядом с маминной сестрой и другими родственниками. По инстанциям ездили Надя с Бертом. Договаривались с моргом, с похоронной конторой, с батюшкой насчёт службы. Я с тревогой смотрела на маму: «Как она это выдержит? Более полувека вместе с любимым Мишенькой, и вот – вдова, на 87 году жизни». Мама выдержала.

Папа ушёл вдруг. Перестал есть, двигаться. Она тормошила его, пыталась кормить. Один раз он открыл глаза (взгляд в никуда, теперь я знаю, что это такое) и сказал чётко: «Ничего не надо. Всё хорошо. Спасибо!» Через неделю мама разбудила меня в шесть утра: «Наташа, папа умер в четыре часа. Надо куда-то звонить». В семь я позвонила детям (папе уже всё равно, а им хоть немного поспать в выходной). Берт сказал: «Я знал. Проснулся рано и подумал, что дед умер, а тут ты звонишь. Мы едем». Дочка с внуком приехали на поезде. Младший сын был в командировке на другом конце страны, высказал соболезнования бабушке по телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.